

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРИЗРАК

ПОТРЯСАЮЩИЙ РОМАН
ТИБОР ФИШЕР

**ДЭВИД
МИТЧЕЛЛ**

18+

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР ЧИТАЕТ ВСЬ МИР

Интеллектуальный бестселлер

Дэвид Митчелл

Литературный призрак

«ЭКСМО»

1999

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Митчелл Д.

Литературный призрак / Д. Митчелл — «Эксмо»,
1999 — (Интеллектуальный бестселлер)

«Литературный призрак» – дебютный роман Дэвида Митчелла. Именно эта книга, написанная с полифоничностью, которая позже станет неотъемлемым свойством его прозы, прославила Митчелла. На страницах романа переплелись жизненные пути молодого сектанта, по указке Его Провидчества устроившего зариную атаку в токийском метро, и начинающего саксофониста, который подрабатывает в магазинчике коллекционного винила, банковского менеджера из Лондона, отмывающего в Гонконге деньги русской мафии, и ветерана английской разведки, решившего опубликовать свои воспоминания, его «литературного негра» (и одновременно – лидера панк-группы) и витающего над монгольскими степями бесплотного призрака, женщины-физика с ирландского островка, за которой охотится Пентагон, похитителей эрмитажных картин, нью-йоркского диджея и многих-многих других...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Митчелл Д., 1999
© Эксмо, 1999

Содержание

Окинава	6
Гонконг	45
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Дэвид Митчелл

Литературный призрак

Посвящается Джону

...И если я, как мне кажется, знаю больше, – разве можно быть уверенным, что и от меня не укрылась пружина пружин?

Одни говорят, что нам никогда не узнать и что для богов мы – как мухи, которых бьют мальчишки летним днем, другие говорят, напротив, что перышка воробей не уронит, если Бог не заденет его пальцем.

Торнтон Уайлдер. Мост Короля Людовика Святого (Перевод В. Голышева)

David Mitchell

Ghostwritten

Copyright © David Mitchell, 1999

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency LLC

© Климовицкая И., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Окинава

Кто там дышит мне в затылок?

Оборачиваюсь. С шипением съезжаются створки тонированных стеклянных дверей. Ярко светит солнце. На залитой светом автостоянке ни малейшего движения. Вдали шеренга пальм и ярко-синее небо. В пустом фойе слегка покачиваются листья искусственных папоротников, вверх-вниз.

– Простите, господин?..

Поворачиваюсь обратно. Дежурная все еще ждет, протягивая авторучку. Улыбка сидит безупречно, как и униформа. Сквозь пудру на ее лице различаю поры, сквозь негромкую музыку в фойе слышу тишину, сквозь тишину – фон в колонках.

– Кобаяси. Я недавно звонил из аэропорта. Забронировал номер.

Покалывание в ладонях. Мелкие колючки.

– О да, господин Кобаяси...

А что, если она не поверит? Нечистые часто регистрируются в отелях под вымышленными именами. Чтоб предаваться блуду с иностранцами.

– Будьте добры, господин Кобаяси, впишите имя и адрес... Сюда и сюда... И укажите профессию.

Показываю забинтованную руку:

– Боюсь, вам придется заполнить анкету за меня.

– Конечно, конечно! Как это случилось?

– Зажало в дверях.

Она сочувственно содрогается и разворачивает бланк к себе.

– Ваша профессия, господин Кобаяси?

– Инженер-программист. Пишу софт по заказам разных компаний.

Она хмурится. Я не вписываюсь в ее анкету.

– Значит, у вас нет постоянного места работы?

– Впишите компанию, на которую я работаю в настоящее время.

С этим проблем не возникнет. Технический отдел Братства устроит любое подтверждение.

– Прекрасно, господин Кобаяси. Добро пожаловать в отель «Сад Окинавы».

– Благодарю.

– Цель вашего приезда – бизнес или туризм, господин Кобаяси?

Нет ли двусмысленности в ее улыбке? Подозрительности во взгляде?

– Всего понемногу, – отвечаю, голосом воздействуя на альфа-волны.

– Надеюсь, пребывание у нас доставит вам удовольствие. Вот ключ. Если возникнут затруднения, господин Кобаяси, обращайтесь. Мы вам охотно поможем.

Вы? Мне?!

– Благодарю.

Нечистота, нечистота. Эти окинавцы никогда не были чистокровными японцами. Другие предки, пожиже. Направляясь к лифту, спиной чувствую – экстрасенсорное восприятие работает, – что она усмехается. Она бы не усмехалась, если б знала, с кем имеет дело. Ничего, придет время – узнает. И все остальные тоже.

Огромный отель – и в полдень не видно ни души. Безмолвные коридоры тянутся вдаль, пустынные, как катакомбы.

В номере нечем дышать. В Прибежище запрещено пользоваться кондиционерами – они отрицательно влияют на альфа-волны. Из солидарности с братьями и сестрами я отключил

кондиционер. Окно открыл, но шторы задернул. Кто знает, чей телеобъектив берет меня в этот самый момент на прицел.

Выглянул из окна – солнце ударило в глаза. Наха – бедный, уродливый город. Если бы не аквамариновая полоска Тихого океана вдали, вполне сошел бы за очередное щупальце Токио. Обычная красно-белая вышка с телепередатчиком, который на частотах, воздействующих на подсознание, транслирует правительственную программу промывания мозгов. Обычные здания супермаркетов, возвышающиеся, будто храмы без окон, маскируя нечистоту великолепием. Промышленные районы. Фабрики, отравляющие воду и воздух. Выброшенные холодильники на пустырях и помойках. Ох уж эти их города – рассадники мерзости и нечистоты! Я провижу Новую землю: могучая длань как метлой сметет скверну смердящую и вернет мир в девственное состояние. А затем Братство построит Град, достойный уцелевших, и они будут беречь его, как зеницу ока, во веки веков.

В ванной после омовения пристально рассматриваю свое лицо в настенном зеркале. Ты, Квазар, один из тех, кому предстоит уцелеть. Резкие черты – наследие предков-самураев. Четкие брови. Орлиный нос. Квазар, провозвестник. Его Провидчество в своей прозорливости избрал меня. Моя миссия – просиять на пороге царства верных. Одинокая вспышка во тьме кромешной. Предвестник.

Жужжит вентилятор. Сквозь жужжание слышится плач ребенка. Девочки. Да, много слез проливается в этой юдоли греха. Приступаю к бритью.

Проснулся рано и долго не мог сообразить, где нахожусь. Мой сон, как мозаика, рассыпался на куски. Среди них мелькнул мой биологический отец. Еще там были господин Икэда, воспитатель старших классов, и пара-тройка придурков похуже. Помню день, когда эти придурки подговорили класс считать меня мертвым. К полудню забавлялась уже вся школа. Все притворялись, что не видят меня. Когда я заговаривал, делали вид, что не слышат меня. Новость дошла до господина Икэды, и что же он сделал, этот уполномоченный обществом пестун юных душ? Сукин сын перед отбоем устроил мне отпевание. Размахивал кадильницей и распевал молитвы, и все такое.

Пока Его Провидчество не вдохнул в меня жизнь, я был беспомощен. Я надрывался от плача, умолял их прекратить, но никто не видел меня и не слышал. Я был мертв.

После пробуждения обнаружил, что тело осквернено эрекцией. Очень уж много гамма-волн наложилось. Медитировал на портрет Его Провидчества, который всегда при мне, пока не прошло.

Что ж, если нечистым так хочется похорон, они их получают в избытке – во время Белых Ночей, накануне того, как Его Провидчество явится и провозгласит свое царствие. Похороны, на которых не будет скорбящих.

Я шел по Кокусай-дори, главной улице города, петляя и путая следы, чтобы сбить с толку ищеек. К сожалению, мой альфа-потенциал еще слаб, становится невидимым пока не могу и вынужден отделяться от преследователей допотопными способами. Убедившись, что за мной нет хвоста, я нырнул в игровой центр, чтобы позвонить из телефонной будки. Телефон-автомат гораздо труднее засечь.

– Брат! Говорит Квазар. Пожалуйста, соедини с министром обороны.

– Да, брат. Министр ждет. Позволь поздравить тебя с успешным выполнением задания.

Прошло несколько минут. Министр обороны – любимец Его Провидчества. Он окончил Императорский университет. До того как услышать зов Его Провидчества, работал судьей. Он прирожденный лидер.

– А, Квазар! Отлично. Как самочувствие?

– Как всегда, прекрасно – я ведь на службе у Его Провидчества. И аллергия прошла, вот уже девять месяцев не было ни одного...

– Мы очень довольны тобой. Его Провидчество высоко ценит силу твоей веры. Крайне высоко. Сейчас Он в уединении, медитирует на тебя. Только на тебя, чтобы укрепить твой дух и придать тебе сил.

– Министр! Умоляю, передайте Ему, что я бесконечно благодарен!

– С удовольствием. Но ты заслужил такое внимание. Идет война с мириадами нечистых, и подлинное мужество не останется без одобрения и награды. И еще. Сейчас тебе нельзя вернуться в семью, нужно переждать какое-то время. Я понимаю, ты огорчен. Кабинет министров считает, что семи дней будет достаточно.

– Слушаюсь, министр, – Я низко склоняю голову.

– Ты смотрел новости по телевизору?

– Министр, я сторонюсь лжи государства нечистых. «Зачем змее вслушиваться в голос своего заклинателя?» Пусть сейчас я вне стен Прибежища, но наставления Его Провидчества запечатлены в моем сердце. Представляю, какое осиное гнездо мы разворошили!

– Вот именно! Все только и твердят про террористов, показывают кадры, где у нечистых идет пена изо рта. Бедных животных почти жаль. Почти. Только они, как и предрекал Его Провидчество, совершенно забыли, что на их головы пали их же собственные грехи. Квазар, ты вправе гордиться собой – ты был избран одним из вершителей правосудия. Священное откровение номер тридцать девять гласит: «Гордость жертвоприношением не есть грех, но заслуженное самоуважение». И все-таки держись незаметно. Смешайся с толпой. Осмотри достопримечательности. Надеюсь, денег у тебя достаточно?

– Казначей был щедр, а мои потребности скромны.

– Ну вот и хорошо. Через семь дней свяжись с нами. Все члены Братства с нетерпением ждут возвращения своего возлюбленного брата, чтобы раскрыть ему объятия.

Я вернулся в отель для полуденного омовения и медитации. Поел крекеров, орешков кешью, немного салата из водорослей и запил зеленым чаем – автомат для продажи напитков стоит рядом с моей комнатой. После обеда взял у нечистой дежурной в фойе карту и выбрал достопримечательность, которую стоит осмотреть.

Штаб-квартира японской военно-морской базы расположена севернее Нахи, под поросшим невысокими деревьями холмом, с которого открывается вид на город. Во время войны штаб-квартира была так хорошо укрыта, что только через три недели после захвата Окинавы американцы наткнулись на нее. Американцы вообще не блещут. Не видят даже очевидного. Десять лет тому назад их посольство имело наглость отказать Его Провидчеству в визе. Теперь-то, конечно, Его Провидчество может перемещаться, куда захочет, пользуясь техникой подпространственного перехода. Он не раз посещал Белый дом совершенно беспрепятственно.

Покупаю билет и спускаюсь по ступенькам в подземелье. Вокруг прохладный полумрак. Слышно, как где-то капает вода. Американских захватчиков здесь поджидал сюрприз. Чтобы не потерять воинской чести, весь личный состав базы в количестве четырех тысяч человек совершил самоубийство. За двадцать дней до прихода американцев.

Честь. Что этот суетный, одержимый идолами мир нечистых знает о чести и доблести? Я брожу по туннелям, касаясь стен рукой. Поглаживаю шрамы, оставленные разрывами гранат и кирками, которыми солдаты отрывали свою последнюю цитадель. Я ощущаю глубокое внутреннее родство с ними. Такое же чувство я всегда испытываю в Прибежище. С моим повышенным альфа-потенциалом я воспринимаю остаточное излучение душ героев. Брожу по туннелям, потеряв представление о времени.

Я уже собирался покинуть этот памятник человеческому благородству, когда прибыл автобус с туристами. Едва я глянул на них – с их фотоаппаратами, чипсами, тупыми кансайскими физиономиями, с их альфа-потенциалом ниже, чем у навозной мухи, – как пожалел, что у меня не осталось ни одного сосуда с очищающим веществом. А то бы метнул им вслед и запер всех в подземелье. Им бы выпала благодать пройти через спасительное очищение, как и тем, ослепленным погоней за деньгами горожанам, которых я очистил в Токио. А души юных солдат, которые давным-давно пожертвовали жизнью ради идеалов – и я был готов к этому всего трое суток назад, – обрели бы наконец покой. Этих героев предали марионеточные правители, погубившие нашу страну после войны. Так же как всех нас предает общество, превратившееся в рынок для «Диснея» с «Макдоналдсом». Все эти жертвы – ради чего они? Что построили на этой крови? Непотопляемый авианосец Соединенных Штатов Америки.

Но сосудов у меня не осталось, и приходится терпеть этих нечистых, болтающих, пердящих, смердящих, плодящихся и размножающихся кретинов. Я буквально чуть не задохнулся.

Спускаюсь с холма, шагаю под пальмами.

* * *

На ладони левой руки находится точка – альфа-рецептор. Когда Его Провидчество впервые удостоил меня личной аудиенции, Он повернул мою руку ладонью вверх и легонько надавил указательным пальцем на эту точку. Я почувствовал странный толчок, как удар электрическим током, только приятный, а после обнаружил, что моя способность к концентрации учетверилась.

В тот благословенный день, три с половиной года назад, шел дождь. С горы Фудзи строем спускались облака. Нивы вокруг Прибежища волновались под восточным ветром. Двенадцатью неделями раньше Братство зачислило меня на программу для начинающих, а утром мы с младшим секретарем казначейства завершили важное дело. Я подписал документы, которые освободили меня из плена материального мира. Отныне мой дом со всем имуществом, банковский и пенсионный счета со всеми накоплениями, автомобиль и даже карточка члена Гольф-клуба принадлежали Братству. Я почувствовал такую свободу, о возможности которой даже не подозревал. Родные – я имею в виду нечистую, биологическую семью по плоти и крови – меня не поняли, как и следовало ожидать. Всю мою жизнь померяли они по линейке успехов и поражений, засекая каждый миллиметр в ту или иную сторону, и вот я сломал проклятую линейку об колено. В последнем письме, которое я получил от матери, она сообщала, что отец вычеркнул мое имя из своего завещания. Как сказал Его Провидчество в Священном откровении номер 71, «ярость одержимого бесом подобна крысе, которая тщится прогрызть Святую гору».

В конце концов, они меня никогда не любили. Они б и слова такого не знали, если б не телевизор.

В сопровождении министра безопасности Его Провидчество спускался по лестнице. По мере Его приближения становилось светлее. Сначала только Его ноги в сандалиях, затем пурпурная туника, а потом и весь Его возлюбленный облик возник передо мной. Он улыбнулся мне – благодаря дару телепатии Он уже знал, кто я и что сегодня сделал.

– Я учитель, – сказал Он.

Я опустился на колени, и Он позволил мне поцеловать свой священный перстень с рубином. Я чувствовал его альфа-эманации, как компас чувствует магнитный полюс.

– Мастер! – ответил я. – Наконец-то я дома.

Его Провидчество говорил красиво и ясно, слова исходили будто не из уст, а из очей.

– Ты вырвался из Обиталища нечистоты, младший брат мой. Сегодня ты обрел новую семью. Старую, плотскую семью ты оставил и присоединился к новой, духовной. Отныне у тебя есть десять тысяч братьев и сестер. К моменту, когда наступит конец света, нас будет миллионы по всему миру. Наша семья будет расти и пускать корни во всяком народе. Мы ищем плодородные земли в других странах. Наша семья будет расти, пока не вберет в себя весь мир. Это не фантазия. Это неизбежная грядущая реальность. Что ты сейчас чувствуешь, новообретенное дитя нашего царства без границ, без страданий?

– Блаженство, Ваше Провидчество! Какая удача – испытать из источника истины, когда тебе нет еще и тридцати!

– Младший брат мой, мы оба знаем, что отнюдь не удача привела тебя к нам. Тебя привела любовь.

Он поцеловал меня. Словно уста вечной жизни коснулись моего лба.

– По словам министра образования, твой альфа-потенциал растет не по дням, а по часам, – сказал Мастер. – Если так пойдет и дальше, со временем мы сможем поручить тебе одно очень важное задание...

Сердце чуть не выпрыгнуло у меня из груди. Они говорили обо мне! Я всего-навсего какой-то новичок, а они говорили обо мне!

В кофейнях и магазинах, офисах и школах, на гигантских экранах торгового центра, в каждой квартирке, похожей на клетку для кроликов, люди смотрят новости с репортажами об очищении. Горничная пришла прибраться в моем номере и без умолку тарыхтит об увиденном. Я не прерываю ее. Она спросила, что я об этом думаю. Ответил, что я всего-навсего инженер-компьютерщик из Нагой и не разбираюсь в таких вещах. Мое безразличие ей не понравилось, она не в силах сдерживать возмущения. Приходится ломать комедию, чтобы не вызвать подозрений. Горничная упоминает о Братстве. Похоже, эти мерзкие журналисты тычут в нас свои грязные пальцы, хоть мы и предупреждали.

В середине дня выхожу купить шампунь и мыло. Дежурная сидит спиной, не отрывая глаз от телевизора. Телевидение извергает скверну и ложь, оно повреждает участок коры головного мозга, ответственный за альфа-потенциал. Но я подумал, что несколько минут не принесут мне большого вреда, и стал смотреть вместе с ней. Двадцать два человека очищены полностью плюс несколько сотен наполовину. Недвусмысленное предупреждение для нечистых.

– Не могу поверить, что это произошло в Японии, – говорит дежурная. – В Америке – еще куда ни шло. Но чтобы у нас?

«Эксперты» за круглым столом обсуждают это «злодейство». Среди экспертов – девятнадцатилетняя поп-звезда и профессор социологии из Токийского университета. Почему японцев так интересует мнение поп-звезд и профессоров социологии? Без конца показывают одни и те же кадры: толпы недоочищенных пытаются вырваться из метро, зажимают платками рты, бьют и расцарапывают себе глаза. Как сказал Его Провидчество в Священном откровении номер 32, «если твой глаз влечет тебя ко греху, вырви его». Потом крупным планом – очищенные, смиренно лежат там, где их настигла благодать. Потом – их кровные родственники, рыдают в своем неведении. Потом – премьер-министр, самый непроходимый тупица из всех. Клянется, что не обретет покоя, пока «организаторы и исполнители этого чудовищного преступления не будут преданы суду».

Как слепы они в своем лицемерии! Неужели не видят, что настоящее злодейство – это ежедневное, ежечасное убийство души человеческой, которое совершается в современном мире! Братство всего лишь попыталось противостоять подлинному чудовищу – веку нынешнему. Преступному веку. Первая схватка в долгой войне, в которой нам суждено победить.

Неужели люди не могут понять, что сопротивление бесполезно? Этот жалкий политик, взяточник, лицемер, слепой таракан, неспособный даже уразуметь, в каком дерьме он барахтается. Неужели эти низшие, нечистые существа всерьез рассчитывают одолеть Его Провидчество и помешать Его замыслам? Одолеть Бодхисаттву, который может становиться невидимым по желанию, перемещаться в пространстве, дышать под водой? Предать Его самого и Его верных слуг их «суду»? Это мы – вершители правосудия! У меня лично альфа-потенциал пока слабоват – телепатией или телекинезом не воспользуешься, но ведь и нахожусь я за сотни километров от места чистки! Никому и в голову не придет искать меня здесь.

Я высказываю из прохладного вестибюля гостиницы.

Всю неделю веду себя тихо, но чрезмерная незаметность тоже может привлечь внимание. Поэтому я делаю вид, будто у меня деловые встречи, и с понедельника по пятницу ровно в восемь тридцать прохожу мимо дежурной, бросив через плечо «Доброе утро». Время тянется еле-еле. Наха всего лишь заштатный городишко. По проспекту с важным видом расхаживают американцы с военных баз, которыми усыпаны эти острова. Многие под руку с местными женщинами. Японки едва прикрыты узкими полосками ткани. Местные мужчины подражают иностранцам. Я хожу по универсам, смотрю на бесконечные толпы алчущих и покупающих. Хожу, пока ноги не заболят. Тогда отправляюсь в кофейню, там полки ломятся от журналов, а в них ничего, кроме забивающего мозги мусора. Прислушиваюсь к разговорам бизнесменов, которые покупают и продают то, что им не принадлежит. Потом снова гуляю. Рабочий день идиота, зевающего перед грохочущей пустотой игровых автоматов – как и я когда-то, пока Его Провидчество не открыл мне внутреннее зрение. Туристы с материка обходят сувенирные лавки, покупают коробки с низкопробным дерьмом, которое никому больше и не нужно. На тротуаре иностранцы продают без лицензии часы и дешевые украшения. Забрел я в галереи игровых автоматов, куда сползаются после школы дети с отравленными мозгами и прилипают к экранам, на которых сражаются злые киборги, призраки, зомби. Те же магазины, что и везде, – «Беннетон», «Найк», закусочные «Бургер-кинг»... Думаю, сейчас во всех городах мира центральные улицы похожи друг на друга. Я углублялся в закоулки. Во дворах хозяйки выбивают матрасы, как делали это и шестьдесят лет назад. Гончар с рябым лицом склоняется над своим кругом. Старик, сидя на крыльце, ремонтирует детский трехколесный велосипед. Кашляет, не вынимая сигареты изо рта. Похоже, смертельно болен. Женщина без единого зуба ставит свежие цветы в вазу у семейного алтаря. Один раз я отправился в старый дворец Рюкю. Во дворе – автоматы с напитками и магазин под названием «Святой рыцарь», в котором не продают ничего, кроме брелков для ключей и фотопленки. На древних бастионах копошились старшекласники из Токио. Мальчишки ничем не отличаются от девчонок – длинные волосы, серьги в ушах, брови с пирсингом. Девчонки – вылитые паукообразные обезьяны – хихикали в мобильные телефоны. Если возненавидеть их, придется возненавидеть весь мир.

Ну и отлично, Квазар. Значит, возненавидим весь мир.

Единственное приличное место в Нахе – это порт. Я смотрел на лодки, рыбаков, туристов и на огромные грузовые суда. Мне всегда нравилось море. Мой биологический дядя водил меня в порт, в Йокогаме. Мы обычно брали с собой карманный атлас и в нем искали города и страны, откуда прибыли суда.

Конечно, это было тыщу лет назад. До того, как мой подлинный отец призвал меня к себе.

Однажды днем, выйдя из альфа-транса, в котором пребывал после омовения, я заметил странную тень – круглую, со ступицами. Она уплотнилась и превратилась в паука. Я хотел бросить его в унитаз и смыть водой, но тогда он, к моему превеликому удивлению,

просигналил мне альфа-послание! Конечно, это Его Провидчество посылает мне весточку. У нашего Учителя особое чувство юмора!

– Мужайся, Квазар, избранник мой. Мужайся и крепись. Такова твоя участь.

Я упал на колени перед паучком.

– Я знал, Отец, что Ты не забыл меня! – ответил я ему.

Паучок ползал по моему телу, а я не сводил с него глаз. Потом посадил его в баночку. Решил купить липучку, чтобы ловить мух и кормить меньшого брата. Мы оба посланники Его Провидчества.

Болтовня про «апокалиптическую секту» и «секту конца света» не прекращается. Как она меня бесит! Братство стремится к свету, а не к его концу. Братство – это не секта. Секта поработывает. Братство освобождает. Главари сект – мошенники с лукавыми устами, они втайне содержат гаремы со шлюхами и гаражи с «роллс-ройсами». Я удостоился чести бросить взгляд на то, как живет Учитель и его ближайшее окружение. Ни одной особи женского пола в поле зрения! Его Провидчество освободился от липких пут сладострастия. Он избрал себе супругу только для того, чтобы она выносила ему детей. Младшим сыновьям членов кабинета министров и любимейшим ученикам дозволено прислуживать Учителю в его скромном быту. Из одежды на этих счастливицах только набедренные повязки, поэтому они могут принять позу лотоса в любой момент, когда Мастер изволит благословить их для медитации. И на все Прибежище только три «кадиллака». Его Провидчество прекрасно знает, когда беса вещизма, которым одержимы нечистые, следует изгонять, а когда использовать как троянского коня, чтобы проникнуть в их прогнившую крепость.

С целью отвести подозрения от Братства Его Провидчество допустил в Прибежище кое-кого из журналистов и разрешил заснять братьев и сестер во время занятий по наращиванию альфа-потенциала. Корреспонденты осмотрели также наши химические лаборатории. Министр науки сообщил им, что мы там изготавливаем удобрения. Поскольку в Братстве все вегетарианцы, нам нужно много капусты, пошутил он. Когда репортаж показывали по телевизору, я увидел знакомых братьев и сестер. С экрана они телепатически передали своему брату Квазару привет и ободрение. Я засмеялся от радости! Эти грязные шакалы с телевидения пытаются обвинять Братство и даже не подозревают, что их поганый канал служит для связи со мной! Министр безопасности согласился дать интервью. Блестяще! Он опроверг все обвинения в причастности Братства к чистке. «Бесов возможно одолеть не иначе, как их же собственным оружием – хитростью», – учит Его Провидчество в Священном откровении номер 13.

А вот интервью с омраченными отступниками огорчили меня. Предатели. Братство приняло их в объятия любви, а они ее отвергли и, покинув Прибежище, вновь погрузились в зловонную пучину. В бесконечном своем милосердии Его Провидчество дозволил оставить этим насекомым жизнь – если их прозябание можно назвать жизнью, – но при одном условии: они не будут клеветать на Братство. Если же они нарушат это условие и начнут распространять свои грязные измышления через прессу и телевидение, то министр безопасности уполномочен подвергнуть их чистке вместе с семьями.

На экране телевизора лица омраченных закрыты сеткой, но человека с моим альфа-потенциалом не проведешь дешевыми уловками. Я узнал Маюми Аои, которая вступила в Братство вместе со мной. На словах она клялась в верности Его Провидчеству, но в одно прекрасное утро мы обнаружили, что она сбежала. Мы сразу заподозрили, что она была агентом полиции. Послушав, как она лжет про жизнь в Прибежище, я выключил телевизор и решил больше никогда его не смотреть.

Опять звоню в Прибежище – после первого звонка прошла неделя. Отвечает незнакомый голос.

– Доброе утро. Говорит Квазар.

– А, Квазар. Министр информации сегодня занят. Я его заместитель. Мы ждали твоего звонка. Ты заметил, как нарастает истерика?

– Да, господин заместитель министра.

– Вот именно. Успех твоей операции по очистке даже превзошел наши ожидания. Его Провидчество приказывает тебе затаиться еще на пару недель.

– Я во всем подчиняюсь воле Его Провидчества.

– Кроме того, тебе следует перебраться куда-нибудь подальше. Просто так, на всякий случай. Наши братья в полиции сообщили нам, что твои приметы переданы в розыск. Нужно действовать осторожно и хитро. Официально мы отрицаем нашу причастность к твоей акции. Это позволит выиграть время и укрепить ряды Братства новыми братьями и сестрами. Такая тактика дала хорошие результаты в прошлом году, когда проводилась пробная операция по очистке в префектуре Нагано. До чего же легко водить за нос этих навозных жуков!

– Вы правы, господин.

– Если тебя арестуют, ты должен взять всю ответственность на себя. Скажешь, что тебя исключили из Братства как сумасшедшего. После этого ты действовал сам, на свой страх и риск. Понял? Его Провидчество с помощью телепортации освободит тебя из тюрьмы.

– Слушаюсь, господин заместитель министра. Я во всем подчиняюсь воле Его провидчества.

– Братство очень дорожит тобой, Квазар. Вопросы есть?

– Господин заместитель министра, я только хотел бы знать, начался ли второй этап великой чистки? Скажите, наши посланцы уже совершили телепортационный перелет? Они проникли в здания парламентов разных стран, чтобы заставить правительства всего мира принять учение Его Провидчества в качестве национальной программы? Боюсь, если мы промедлим, нечистые успеют...

– Квазар, ты забываешься! С каких пор ты уполномочен обсуждать внешнюю политику Братства?

– Простите, господин заместитель министра. Осознаю свою ошибку. Умоляю, господин заместитель министра, простите меня.

– Ты прощен, возлюбленный сын Его Провидчества! Тебе, наверное, очень одиноко вдали от семьи?

– Очень, господин заместитель министра. Но я получил альфа-послание моих братьев и сестер с экрана телевизора. А когда медитирую, Его Провидчество сам обращается ко мне с добрыми словами, поддерживает в изгнании.

– Вот и превосходно! Думаю, через две недели ты сможешь вернуться к нам. Если понадобятся деньги, свяжись с Тайной службой Братства, код тебе известен. А в остальном – води себя как можно тише.

– Еще один вопрос, господин заместитель министра. Насчет этой отступницы, Маюми Аои...

– Министр информации уже в курсе. «А сплетники сплетен сами плетут паутину, которой будут удушены». Министр безопасности примет нужные меры, когда шумиха поутихнет. По всей видимости, до сих пор мы проявляли излишнее мягкосердечие. Но теперь вступает в силу закон военного времени.

Палит нестерпимая жара. Иду в порт посмотреть расписание движения катеров. Открываю карту. Карты я всегда любил больше, чем книги. Они не важничают и не поучают.

Никогда не выбрасываю карты. Острова выглядят очень заманчиво, величественные изумруды посреди небесно-голубого моря. Мне приглянулся один островок под названием Кумидзима. До него всего полдня пути на запад, и не такой уж он маленький, чтобы приезжий бросался в глаза. Катер туда отходит раз в день – в 6.45 утра. Я купил билет на завтрашний рейс.

Остаток дня просидел на причале. Повторял про себя все Священные откровения Его Провидчества, не обращая внимания на обтекающий меня поток пропащих душ.

Солнце, багровое и дрожащее, наконец закатилось. Я даже не заметил, как наступила темнота. Вернулся в отель и сказал дежурной, что закончил свои дела и рано утром отбываю в Осаку.

Поезд в токийском метро был набит битком, как вагон для скота. Битком набит человеческими органами, запрятанными в тела, запрятанные в одежду. Трясутся. Молчат. Потеют. Я побаивался, вдруг какой-нибудь кретин раздавит сосуды раньше времени. Наш министр науки подробно объяснил, как работает устройство. После того как я отверну крышку и нажму на три кнопки разом, у меня останется только одна минута, чтобы выбраться наружу, прежде чем соленоиды разобьют сосуды и великая чистка человечества начнется.

Я положил сумку на багажную полку и стал ждать назначенной минуты. Напрягая свои телепатические способности, постарался послать сообщения поддержки братьям-очистителям в разных вагонах метро по всему Токио.

Одновременно я рассматривал людей в вагоне. Тех, кому выпала эта честь – быть первыми в великой чистке. Немые. Унылые. Уставшие. Безмозглые. Ослы, втянутые в бесконечный водоворот лжи, страдания, неведения. Рядом ребенок в вязаной шапке, сидит за спиной у матери. На шапке вышита розовая Минни-Маус. Значит, девочка. Спит, пуская пузыри изо рта, от нее влажно пахнет, как от всех малышей. Чуть подальше – пенсионеры. В будущем их не ждет ничего, кроме маразма да инвалидной коляски в доме престарелых, под сенью магнолий. А вот молодые люди из клерков. Наверное, полны надежд, в голове только одно – жажда наживы и успеха любой ценой.

Жизнь и смерть этих одноклеточных – в моих руках! Что бы они сказали, узнай об этом? Как попытались бы отговорить меня? Как эти насекомые доказывали бы свое право на жизнь? Какие слова нашли бы? На каком языке головастик может общаться с богом?

Вагон покачивался, поскрипывал. Лампы мигнули, погрузив его на мгновение в полумрак.

Еще не пробил час.

Мне припомнились слова, которые Его Провидчество сказал нам утром: «Там, за пределами пределов, куда не простирается человеческий разум, я видел комету. Новая Земля грядет. Приближается час последнего суда над грешниками. Ускорив его чуть-чуть, мы всего лишь избавим несчастных от их жалкой участи. Дети мои, вы избранные, вы проводники Божественной воли!»

В эти последние мгновения, когда поезд подъезжал к станции, Его Провидчество укрепил меня, послав видение Будущего. Через какие-нибудь три года Его Провидчество войдет в Иерусалим. Тогда перед ним склонится мусульманский мир, а Папа Римский и далай-лама будут искать его благоволения. Президенты России и США передадут свои государства под власть Его Провидчества.

В июле все обсерватории мира регистрируют приближение кометы. Пройдя рядом с Нептуном, она достигнет Земли и закроет Луну, она будет полыхать на небе даже среди бела дня – над аэродромами, вершинами гор и стогами городов! Нечистые бросятся навстречу этому чуду. И примут от него погибель! Земля подвергнется мощному микроволновому излучению кометы, от которого будут защищены только люди с высоким альфа-потенци-

алом. Нечистые же станут умирать, корчась в собственной блевотине, выцарапывая себе глаза, задыхаясь от запаха собственной плоти, жарящейся прямо на костях. А выжившие станут обитателями Рая. Тогда Его Провидчество явит свою Божественную природу – она, словно бабочка, родится из куколки его тела.

Я засунул руку в спортивную сумку с дырочками и на ощупь отвинтил крышку. Теперь нужно нажать три кнопки и удерживать в течение трех секунд, чтобы запустился таймер. Один. Два. Три. Новая Земля грядет. Затакали часы истории. Задерживаю молнию на сумке, незаметно ставлю ее на пол и украдкой задвигаю ногой под сиденье. В вагоне так тесно, что зомби ничего не заметили.

Да свершится воля Его Провидчества.

Поезд въезжает на станцию и у платформы замедляет ход. Вот и все...

Внутри вагона нарастает шум, но я не желаю, не желаю вслушиваться в слова.

Если когда-нибудь этот шум обратится в слова – не сейчас, конечно, еще не сейчас, может, и никогда... Что тогда?

Я смешался с толпой, которая двигалась к эскалаторам. Прочь отсюда.

У меня за спиной поезд набирал скорость, погружаясь в удушливый мрак.

* * *

В потных ладонях покалывает. Чайка, важно прохаживаясь по подоконнику, смотрит на меня. До чего злое у нее лицо.

– Ваше имя, господин?

Старуха, хозяйка гостиницы, осклабилась. С какой целью, интересно знать? Чтобы я понервничал? Черных дыр у нее во рту больше, чем желтых зубов.

– Меня зовут Токунага. Бунтаро Токунага.

– Токунага... Красивое имя. В нем есть что-то величественное.

– Никогда не задумывался.

– Чем занимаетесь, господин Токунага?

Опять вопросы. Без конца вопросы. Когда же нечистые угомонятся?

– Служу в маленькой компании. Ничем не знаменитая компания на окраине Токио. Работаю начальником компьютерного отдела.

– В Токио? Правда? А я никогда не бывала на большой земле! К нам приезжает много отдыхающих из Токио. В сезон, конечно. Сейчас почти никого, сами видите. Я только раз в году езжу на большой остров, провести внуков. У меня четырнадцать внуков, представляете? «Большой остров» – конечно, я имею в виду Окинаву, а не Японию. Там побывать я даже не мечтаю!

– Вот как?

– Говорят, Токио ужас какой большой город! Даже больше Нахи. Значит, вы начальник отдела? Как, наверно, гордятся вами родители! Просто замечательно! Вы уж заполните эту дурацкую анкету, сделайте милость! Я бы не стала вас утруждать, но дочка с меня спросит. Такой порядок, ничего не поделаешь. Лицензия, налоги, сами знаете. Чепуха на постном масле, ей-богу. А куда деваться? И сколько времени вы проведете у нас на Кумидзуме, господин Токунага?

– Полагаю, пару недель.

– Правда? Надеюсь, вам не будет скучно. Островок-то наш невелик, сами видите. Но рыбу лови сколько влезет или серфингом занимайся, а хочешь – ныряй, хоть так, хоть с аквалангом. А в остальном жизнь у нас очень тихая, очень. Не то что в Токио, думаю. А жена, наверное, скучает без вас?

– Нет, не скучает, – отвечаю я. Пора заткнуть ей пасть. – По правде говоря, у меня траурная поездка. Жена скончалась в прошлом месяце. От рака.

Тут челюсть у старой карги отвисла.

– Боже мой, боже мой, – прошептала она, прижав ко рту ладони. – Вот ведь как... А я-то, дура, прямо по больному... Дочка сгорит со стыда за меня. Просто не знаю, что и сказать...

Старуха с виноватым видом сопит, что весьма противно – изо рта у нее разит креветками.

– Не надо переживать. Смерть избавила ее от страданий. Пусть это жестокое избавление, но избавление. Так что не упрекайте себя. Я немного устал. Вы не проводите меня в мою комнату?

– Да-да, конечно... Вот тапочки. Заодно покажу вам, где ванная. А это наша столовая. Идите за мной, ах, бедняга вы, бедняга... Подумать только, что вы пережили... Боже мой... Но вы правильно сделали, что приехали к нам... Кумидзима, знаете, лечит любые раны. Я просто убеждена в этом...

После вечернего омовения чувствую усталость, которую не смогли одолеть никакие упражнения по альфа-медитации. Проклиная собственную слабость, ложусь в постель и погружаюсь в глубокий сон, почти бездонный.

Когда я все-таки достигаю дна, то оказываюсь в туннеле. Безлюдный туннель метро, кругом только рельсы и трубы. Моя обязанность – патрулировать туннель, охранять его от дьявола, который обитает под землей. Вдруг ко мне подходит офицер и строго спрашивает:

– Что вы тут делаете?

– Выполняю приказ, господин.

– Какой приказ?

– Охранять туннель.

– В Прибежище, как всегда, неразбериха, – присвистнул он. – Появилась новая опасность. Дело в том, что дьявол может вас схватить, только если знает. Пока храните свое имя в тайне, вы недостижимы для него. Как вас зовут, дежурный?

– Квазар, господин.

– Да нет, как вас звали в прежней жизни? Ваше настоящее имя?

– Танака. Кэйсукэ Танака.

– Ваш альфа-потенциал, Кэйсукэ Танака?

– Шестнадцать целых девять десятых.

– Место рождения?

И вдруг я понимаю, что попался. Офицер – он и есть дьявол. Он расколол меня вопросами и теперь может схватить. Последний шанс спастись – не подавать виду, что я обо всем догадался. Продолжаю кое-как барахтаться, но тут в туннеле появляется девушка. Она приближается к нам, в руках у нее футляр со скрипкой и цветы. Я видел ее где-то раньше. В моем грязном прошлом, до очищения. Дьявол в обличье офицера поворачивается к ней и начинает ту же игру.

– Разве вы не слышали о дьяволе? Кто разрешил вам пройти сюда? Назовите имя, адрес, род занятий! Немедленно!

Я хочу спасти ее. Без всякого плана в голове хватаю за руку, и мы мчимся из всех сил.

– Почему мы бежим? – спрашивает она.

Иностранка на холме, смотрит, как погружается в землю деревянный столб.

– Некогда объяснять! Офицер – он вовсе не офицер. Это оборотень. Тот самый дьявол, который живет в туннеле.

– Уверяю, вы ошибаетесь!

– Что? А вы откуда знаете?

Мы бежим, крепко держась за руки. Тут я решаю взглянуть ей в лицо и поворачиваюсь. Она искоса смотрит на меня и улыбается – ждет, когда я оценю зловещую шутку. Вот оно, подлинное лицо дьявола.

Утром выхожу пораньше, чтобы осмотреть остров. Море бирюзового цвета с молочным отливом. Ноги утопают в горячем белом песке. Встречаются птицы, которых я никогда раньше не видал, и бабочки, розовые, как лосось. Вдоль берега гуляет влюбленная парочка, а с ними – собака лайка. Юноша не переставая что-то шепчет на ухо девушке, а та не переставая смеется. Собаке очень хочется поиграть с палкой, но не хватает ума сообразить, что палку нужно принести хозяевам под ноги. Когда парочка проходит мимо, замечаю, что они без обручальных колец. В занюханном магазинчике купил пару рисовых колобков на завтрак и банку холодного чая. Поел, сидя на траве. Пытался припомнить, когда же в последний раз я чувствовал себя своим в каком-либо месте. Если не считать Прибежища, конечно. После еды иду дальше. Миновал старое камфорное дерево и поле, где пасся на привязи козел. Жара стоит такая, что крестьяне в широкополых плетеных шляпах обливаются потом. Из их приемников доносятся жестяные звуки поп-музыки. На обочине ржавеют автомобили, решетки радиаторов проросли травой. Далеко в море выдается одинокая коса, на ней стоит маяк. Я подошел к нему. На дверях – замок.

Какой-то фермер притормозил у обочины и предложил подбросить. Я стер ноги до крови, поэтому согласился. Говорит он на жутком местном диалекте, и я с трудом разбираю его слова. Он начал беседу с погоды, и я издал все междометия, какие полагаются в таком случае. Затем он перешел к моей персоне. Он знает, и в какой гостинице я остановился, и на какой срок, и мое вымышленное имя, и профессию. Он даже выразил мне соболезнование по поводу смерти жены. Слово «компьютер» он произносит, как бы заключая его в кавычки.

В гостинице всюду идет обмен сплетнями. Телевизор мигает, звук выключен. На кофейном столике – пять чашек с зеленым чаем, над ними поднимается пар. Вокруг стола расположилась компания: мужчина, с виду рыбак, женщина в синих мужских штанах, она и сидит по-мужски, тощая женщина с тонкими губами и еще один мужчина с огромной бородавкой, которая свисает у него над глазом, словно гроздь винограда.

Все внимают старухе, хозяйке гостиницы.

– У меня до сих пор перед глазами стоят эти кадры! По телевизору показывали, как все случилось. Несчастные люди бежали, прижимали платки ко рту... Кошмар! Просто кошмар! Добро пожаловать, господин Токунага. А вы в тот день были в Токио?

– Нет. Уезжал по делам в Йокогаму.

Я просканировал мозги всех присутствовавших – не шевелятся ли там подозрения на мой счет. Нет, все в порядке.

Рыбак закурил и спрашивает:

– А что там творилось на следующий день?

– Испуг, конечно. Всеобщая паника.

Женщина в штанах кивнула и сложила руки на груди.

– Одно утешает – похоже, этой банде сумасшедших скоро конец.

– Что вы имеете в виду? – спрашиваю я. Голос вроде не дрогнул.

– А вы разве не слышали? – удивляется рыбак. – Полиция захватила штаб-квартиру Братства. Давно пора. Их банковские счета заморожены. Их так называемому министру обороны предъявлено обвинение в убийстве бывших членов секты. Еще арестованы пятеро участников диверсий в метро. Двое повесились в камерах. Но в предсмертных письмах сказали достаточно, чтобы продолжить аресты. Да вот же, возьмите мою газету.

Я отдергиваю руку от пачки пропитанных ложью, ядовитых листков.

– Нет, спасибо! А что слышно про Учителя?

«И пусть даже ветви сгорят в лесном пожаре, но могучий ствол даст новые побеги!»

– Про кого, про кого? – Бородавчатый морщит нос, будто резиновый.

Мне захотелось вонзить ему в шею острые ножницы.

– Ну, про главу Братства.

– А, вы про этого мерзавца! Скрывается, как последний трус. Бежал, словно крыса. –

Бородавчатый задыхается от ненависти.

Каким беспросветным зверинцем стал этот мир, если ангелов тут мешают с грязью!

– Он просто дьявол, вот он кто! Самый настоящий, из преисподней.

– Дьявол, который вырвался на волю! Пожалуйста, вот ваш чай, господин Токунага! –

Старуха налила мне чашку зеленого чая.

Мне хочется, с одной стороны, поскорее запереться в своей комнате и все обдумать, а с другой стороны, вывести у них побольше.

– Он морочит головы несчастным дуракам, которые попадают ему в лапы. Разыгрывает из себя отца, а потом посылает их на преступления. Они делают за него всю грязную работу. Исполняют его кошмарные фантазии. А он как будто и ни при чем.

Их тупость и слепота меня убивают. Как сделать, чтобы этот сброд начал хоть что-то понимать!

– Просто в голове не укладывается, – встревает женщина в штанах. – Как это все возможно? Он ведь там не один, правда? В Братстве было много умных людей, с университетскими дипломами, из хороших семей. Полицейские, учителя, ученые, адвокаты. Уважаемые люди. Как они могли поверить в этот альфа-бред? Почему захотели стать убийцами? Почему? Неужели в мире столько зла?

– Промывание мозгов, – говорит бородавчатый, переводя палец с одного собеседника на другого. – Промывание мозгов.

Тощая женщина держит кепку и не сводит глаз с вышитого на ней дракона.

– Дело не в этом. Они вовсе не хотели стать убийцами. На самом деле они хотели отречься от своего внутреннего «я».

Крайне противная особа. И голос ее словно доносится из соседней комнаты.

– Я не совсем поняла вас, – говорит та, что в штанах.

– Общество. – Тощая произнесла это слово так, что я сразу понял: учительница. – Общество – как строгий родитель. Оно требует, чтобы мы отказались от части своей свободы, а взамен дает нам блага цивилизации. Мы получаем защиту от голодной смерти, от бандитов и от холеры. Это честная сделка. Договор подписывают от нашего имени в момент нашего рождения, а система образования помогает нам понять его условия. Однако у каждого есть внутреннее «я». Оно решает, в какой мере принимать этот договор. Внутреннее «я» берет на себя ответственность за нашу жизнь. Мне кажется, вся эта молодежь, которая вступила в Братство, просто не выдержала личной ответственности и перепоручила ее Учителю. Им оставалось только выполнять приказы. А Учитель вон как распорядился их жизнями.

– Можно подумать, вам все известно, – не удержался я.

Тощая смотрит мне прямо в глаза. Я выдержал ее взгляд. А у нас в Прибежище женщин учат смирению.

– Но почему? – Рыбак опять закурил и затянулся. – Почему его последователям так хотелось отказаться от своей воли?

– Об этом надо бы спросить их самих. – Тощая не сводит с меня взгляда. – У каждого, наверное, свой ответ. Кто-то находит удовольствие в унижении и рабской зависимости. Кто-то страдает от страха и одиночества. Кто-то тоскует по чувству сопричастности. Кто-то хочет стать большой рыбой в маленьком пруду. Кого-то привлекает магия. Кто-то хочет отомстить

родителям и учителям, которые всем сулят успех в будущем, а посулы не всегда сбываются. Этим людям нужен красивый миф, который невозможно осуществить – а значит, испортить. Отказ от своей воли для них – цена ничтожная, и они охотно платят этой монетой за счастье. Ведь в Новом мире своя воля им не понадобится.

Я больше не в силах слушать этот бред.

– А может, вы все чересчур усложняете? Может, они просто любят своего Учителя? – Я залпом выпиваю свой чай, слишком горький и слишком горячий – язык обжег. – Могу я получить ключ от своей комнаты?

Старуха не спеша подает мне ключ.

– Вы, наверное, очень устали – так долго гуляли. Жена моего племянника видела вас аж возле маяка!

Да, от ближних на этом острове не укроешься. Разве что от дальних.

Я лежу на кровати и плачу.

О мои братья и сестры, совершившие самоубийство! Кто вы, мои соратники, павшие в этом последнем бою, и за что вам такая участь? Все-таки мы – настоящие герои! Погибнуть всего за несколько месяцев до окончания века нечистых! На пороге Новой эры, которая вот-вот наступит! Меня очень удивило, что министр обороны позволил себя схватить. Ведь у него такой высокий альфа-потенциал! Он в состоянии диссоциироваться на молекулы и просачиваться сквозь стены.

Паучок в банке умер. Ну почему, почему, почему?

После вечернего омовения я пошел прогуляться по рыбацкой деревне. Дети помладше с диким визгом играют в какую-то непонятную игру. Подростки околачиваются у перекрестка, вырядившись с явным намерением походить на своих токийских сверстников, которых видят на фотографиях в журналах. Мамаши сплетничают у входа в универсам. Меня так и подмывает крикнуть им: «Скоро наступит конец света, и все вы изжаритесь в огне Белых ночей!» Из бара доносится местная мелодия – пронзительно-резкая, визгливая... В конце улицы меня встречают горы, море и ночь.

Бреду по усыпанному галькой берегу. Вижу пластмассовые буйки; скорлупки орехов сейшельской пальмы, по форме напоминающие женские бедра; всякий прибитый к берегу хлам: резиновые перчатки, жестянки от пива, бутылки, флаконы от моющих средств. Слышу кряхтенье и повизгивания, доносящиеся из-под перевернутых облезлых лодок, которым не суждено больше плавать. Вдали какая-то тень зажигает огонек.

Его Провидчество говорит со мной – я слышу Его голос в плеске волн и в шорохе прибоя, облизывающего гальку. К чему телефоны, когда существует телепатия? Его Провидчество поведал, что преданному бойцу Квазару уготована в этой пьесе величайшая роль. Наступили Судные дни, о которых говорится в Священном откровении номер 143. Учитель сообщил, что я буду пастырем верных во времена Белых ночей. И когда комета возвестит наступление Новой эры, я встану одесную Его Провидчества, буду Его именем вершить правосудие и излучать свет мудрости. Я послал Его Провидчеству ответ – что готов умереть за Него. Что люблю Его, как сын отца, а защищать готов, как отец сына. За сотни миль от меня Его Провидчество улыбнулся в ответ. Комета появится перед самым Рождеством. Новая эра не за горами. Обновленное человечество поселится на самом чистом из островов, и уцелевшие назовут меня отцом. Там не будет обидчиков и не будет обиженных. Все самонадеянные, тупые, неверующие нечестивцы изжарятся в своем невежестве, как в масле. А мы будем вкушать папайю, орешки кешью и манго, учиться делать самые простые орудия труда и расписные горшки из глины. Его Провидчество выберет тех, у кого наиболее высокий

альфа-потенциал, и научит нас высшим ступеням альфа-медитации: мы сможем совершать астральные путешествия и посещать другие звезды.

Я опускаюсь на колени и благодарю Господина за поддержку. Над заливом восходит луна и одна за другой зажигаются те самые звезды, на которые мы скоро полетим.

Девочка в вязаной шапке, которая спала за спиной у матери, открыла глаза. Мои глаза. Бестелесный хор что-то поет, не умолкая. В моих глазах отражается ее лицо. Она знает, что я намерен сделать. И умоляет не делать этого. Но ведь она все равно обречена на смерть во дни кометы! Пойми, Квазар, ты просто избавляешь ее от новых страданий в мире нечистых! Невинные наверняка воскреснут, но уже в Новом мире! Очистись и укрепишь в своей вере, пока не поздно!

В темноте на часах светятся цифры 1.30. От жуткого караоке сотрясаются стены. Я не сомкнул глаз. Под пропотевшей простыней – как в смиренной рубашке. Боль все глубже запускает пальцы в виски. Пульс бьется с перебоями, резко возрос уровень гамма-ритмов. Пошатываясь, плетусь в туалет. По цвету и консистенции мое дерьмо напоминает мазут. Стараюсь думать об Учителе. Что бы Он на моем месте сказал той девочке? Взгляд блуждает по истертому узору линолеума. Принимаю обжигающе горячий душ.

Впервые после вступления в Братство покупаю в этом пустом туалете пачку сигарет из автомата. Закурив, возвращаюсь в номер. Я на грани срыва.

* * *

На ладонях появились красные пятна. Моюсь по семь-восемь раз в день, но ничего не помогает – по всей коже сыпь. По утрам стал смотреть телевизор. Ведется следствие, Братство хотят разгромить, а его членов объявить вне закона. Мое имя также упоминают в новостях, показывают фотографию из архивов Братства. К счастью, на ней я с бритым черепом и с альфа-усилителем на голове, поэтому узнать меня трудно. Из всех участников акций в метро на свободе остался я один. Показали моих кровных родителей – как под натиском репортеров они бегут, уворачиваясь от вспышек, и прячутся в машине моей сестры. Его Провидчество задержан, Ему предъявлены обвинения в подготовке геноцида, мошенничестве, похищении людей и применении психотропных средств категории один. В новостях все время крутят одни и те же кадры – агенты нечистых запикивают Его Провидчество в автомобиль и везут сквозь толпу, которая требует Его крови. Этот эпизод показывают с утра до вечера, сопровождая зловещей музыкой. Хотят убедить безмозглых тварей, что Он злодей, как Дарт Вейдер, что Его нужно ненавидеть и проклинать. Все члены правительства также арестованы. Они низко пали – дают показания друг на друга в надежде, что смертный приговор заменят пожизненным заключением. Против меня дал показания министр образования. Даже супруга Его Провидчества отреклась от Учителя – говорит, ничего не знала об изготовлении отравляющего газа. Это она-то, которой так не терпелось поскорее начать чистку! Одна телевизионная компания даже послала своих шакалов в Лос-Анджелес, чтобы снять элитную школу в Беверли-Хиллз, где учатся сыновья Его Провидчества.

Из порта звоню в Прибежище.

– Сообщите ваше имя, место жительства и род занятий, – отвечает металлический голос.

Коп. Даже если у тебя альфа-потенциал, как у навозной мухи, копа почуешь за версту. Я повесил трубку.

Плохо дело, однако. В Японии для меня ничего не осталось. Мой паспорт находится в Международном отделе Братства, поэтому искать помощи у наших братьев в России или в

Корее я не могу. Деньги опять же на исходе. Собственных средств у меня нет вообще: после церемонии посвящения Братству перешло все до последней иены. Кровные родственники от меня отказались и выдадут полиции. Да и старые друзья из прошлой омраченной жизни тоже выдадут. Впрочем, меня это не огорчает. Когда наступят Белые ночи, все они пожнут то, что посеяли. Моя настоящая семья – это Братство.

У меня остается еще одна надежда. Тайная служба Братства. В новостях ничего не сообщают об их аресте – может, они успели уйти в подполье. Набираю засекреченный номер телефона и произношу пароль: «Собаке нужен корм».

Молча жду, как меня учили в Прибежище на инструктаже. Не вешать трубку: сотрудник Тайной службы сам отключится, когда специальная аппаратура зарегистрирует мои координаты. И тогда мне вышлют помощь. Мастер левитации прилетит с бумажником, полным хрустящих купюр. По моим альфа-сигналам он найдет меня, когда я буду один бродить на берегу или спать в тени пальмы. Я проснусь, и он склонится надо мной – возможно, сияющий, как Будда или архангел Гавриил.

Остров Кумэдзима похож на грязную, кишашую насекомыми тюрьму. Подумать только, что некогда это был главный центр торговли между Империей Рюкю и Китаем. Причаливали и отчаливали корабли, а в них – специи, рабы, кораллы, слоновая кость, шелк, мечи, кокосовые орехи, пенька. В порту кипела жизнь, кричали грузчики, старухи с весами, сидя на коленках, торговали сушеной рыбой и фруктами. Девушки с податливыми грудями выглядывали из пыльных окон, заставленных цветочными горшками, шептали, зазывали...

Все это в прошлом. В далеком прошлом. Теперь Окинава – горстка жалких островов, из-за которых ссорятся владельцы, в глаза их не видавшие. Никто не хочет признавать, но ведь эти острова сейчас погибают. Молодежь уезжает в Японию. Сельское хозяйство приходит в упадок из-за отсутствия субсидий и твердых закупочных цен. Когда японские пацифисты добьются своего и захватчики-американцы уберутся восвояси, закрыв военные базы, экономика Окинавы охнет и сдохнет. Рыбу ловят тралами. Дороги не ведут никуда. Всякое новое строительство заканчивается появлением бетонного фундамента, кучи гравия и зарослей чертополоха. Где, как не в этих местах, продолжить великое дело Его Провидчества! Я сгораю от желания разбудить этих людей, поведать им о Белых ночах и Новой эре! Но я не имею права рисковать, привлекая к себе внимание. Моя последняя защита – в незаметности. Без нее останется рассчитывать только на свой альфа-потенциал новичка.

Вчера со мной разговаривал местный полицейский-усач. Я проходил мимо, когда он наклонился завязать шнурки.

– Как отдохнули, господин Токунага?

– Замечательно. Благодарю вас, господин полицейский.

– Я слышал про вашу жену. Примите мои соболезнования. Такое горе!

– Вы правы, господин полицейский. – Я накрепко весь свой альфа-потенциал, чтобы заставить его поскорее отвязаться.

– Значит, завтра уезжаете, господин Токунага? Госпожа Мори, хозяйка гостиницы, говорила, что вы на пару недель.

– Хочу остаться еще. По крайней мере на несколько дней.

– Вот как? Разве вам не нужно на службу?

– У меня компьютер последней модели. Мне не обязательно находиться в Токио, я могу работать и здесь. А тишина и покой повышают работоспособность.

Полицейский кивнул понимающе.

– Я вот что подумал... У нас ребята недавно организовали компьютерный клуб при школе. Моя невестка, жена брата, работает там директором. Госпожа Ои. Да вы с ней уже

встречались, у госпожи Мори. Госпожа Ои, она из деликатности сама вас не осмелится беспокоить... Вот я и подумал...

Я молча ждал.

– Может быть, выкроите время и придете рассказать ребятам, чем занимается настоящая компьютерная компания, да еще в Токио? Конечно, если это вас не очень затруднит.

Итак, я попал в ловушку. Но безопаснее отвертеться потом, чем отказаться сразу.

– Хорошо, с удовольствием.

– Огромное вам спасибо! Обрадую невестку, когда буду у брата...

На пляже встретил собаку лайку. Завидев меня, она залаяла. Я сразу понял, что Его Провидчество избрал ее для разговора со мной.

– А ты как думал, Квазар? Неужели рассчитывал, что зачинать Новую эру – эру человека осчастливленного – будет легко и просто?

– Нет, мой господин, не рассчитывал. Но когда же мастера йогической левитации проникнут в Белый дом и в Европарламент и потребуют вашего освобождения?

– Кушай яйца, возлюбленный сын мой.

– Кушать яйца, мой Господин?

– Яйцо символизирует воскресение, Квазар. И соси побольше апельсиновых леденцов на палочке.

– А они что символизируют, Учитель?

– А ничего. В них много витамина С.

– Слушаюсь, мой Господин. И все-таки когда же мастера йогической левитации...

Но вместо ответа – только собачий лай да удивленный взгляд влюбленной парочки, которая внезапно выскочила из-за груды ржавого железа. Мы все трое смутились. Собака задрала лапу и справила нужду на гусеницу старого трактора. Океан равнодушно шумел.

Маленькая девочка в вязаной шапочке. Она улыбнулась мне. Значит, я ей понравился. Чепуха, как я мог ей понравиться? Просто непроизвольное сокращение лицевых мускулов, вот и все. Она лопотала и улыбалась мне. Ее мать повернулась узнать, кому улыбается дочка, и тоже улыбнулась мне. У нее были ласковые глаза. А я не улыбнулся в ответ. Я отвел взгляд в сторону. Лучше бы я улыбнулся им. Нет, лучше бы они не улыбались мне. Выжили они? Или отравились газом? Сумка стояла как раз напротив них. Если им не удалось вырваться из вагона, то газ быстро добрался до их губ, глаз, ноздрей, легких...

Мамочка. Папа!

Мы же только защищались! Не выходит из головы один случай. Я тогда служил у министра информации. Родственник одной нашей духовной сестры, кажется дядя, обратился в суд, чтобы помешать ей продать семейную ферму и землю. Он был адвокат по недвижимости. Секретная служба доставила этого родственничка к нам на допрос. Его Провидчество сразу понял, что перед ним убийца, подсланный нечистыми. Воображают, что Его Провидчество можно убить! Просто смешно! Да любой у нас в Прибежище знает, что лет тридцать тому назад, во время поездки Его Провидчества в Тибет, святой по имени Арупадхату вселился в тело Его Провидчества и открыл Ему тайны высвобождения духа из оков плоти. Это случилось в самом начале восхождения Его Провидчества на Святую гору. Даже если тело Его Провидчества будет разрушено, Он просто покинет старую оболочку и переселится в новую так же легко, как я переселяюсь из отеля в отель. Он может переселиться хоть в своего убийцу.

Короче, пришлось этому адвокату сделать «укол правды», и он во всем признался. В его задачу входило подбросить лишенный запаха яд в посуду для приготовления риса. Супруга Его Провидчества лично вела допрос, я слышал.

Сами видите! Мы только защищались.

На пальцах рук начали слезать ногти.

Днем иду к маяку. Сажу на камне, смотрю на волны, на птиц. В сторону китайского берега в обход Тайваня движется тайфун, горизонт темнеет. На западе сгущаются тучи, ветер усиливается. В штабе, конечно, обдумывают мое положение и скоро примут решение. Не понимаю – что стряслось? Еще пара месяцев – и мой альфа-потенциал достиг бы 25 единиц. Я стал бы одним из двухсот самых продвинутых жителей Земли – Его Провидчество сам так сказал. Он вручил мне несколько своих ресниц, чтобы я проглотил их. За успешное прохождение начального курса меня наградили пробиркой со спермой Его Провидчества, сперму я тоже принял внутрь. Сперма Его Провидчества подавляет нечистые гамма-ритмы, которые препятствуют обновлению. После этого из отряда, занятого уборкой туалетов, меня перевели в отряд чистильщиков. Впервые в жизни меня оценили по достоинству.

Ветер раскачивает туда-сюда искореженную полусорванную крышу над заброшенным сараем.

А что, собственно, стряслось? Все в порядке, Квазар. Твоя вера привлекла к тебе внимание Его Провидчества. Твоя вера проведет тебя через Судные дни, через Белые ночи, ты ступишь на Новую землю. И сейчас твое спасение лишь в твоей вере.

Все-то на этом богом забытом острове рассыпается, разваливается. Нужно было оставаться в Нахе. А то затерялся бы в заснеженной деревне, или на ледяном Хоккайдо, или вообще в столице. Интересно, а что стало с господином Икэдой? Где заканчивают жизнь люди, которые дошли до края пропасти?

Тайфун приближается.

Никогда не раздвигаю занавески на окнах. Нашему министру обороны сообщили, что правительство нечистых разработало микрокамеры – их вживляют в черепа чайкам, которые потом проходят специальный курс дрессировки в шпионской школе. Я уж не говорю об американских разведывательных спутниках, опутавших все небо над земным шаром. Они ведут слежку за Братством по поручению политиков и евреев, которые давным-давно устроили масонский заговор и поощряют китайцев загрязнять родник истории человечества.

Сажу на пустынной косе, прислонясь спиной к стене маяка. Вдали показался свет фар. Он приближается, нащупывая меня. Оглядываюсь вокруг – нельзя ли где спрятаться. Негде. Чайка уставилась на меня. Какое злое у нее лицо. Подъезжает синяя с белым машина. Наконец я заметил, куда можно спрятаться. Но уже поздно. Передняя дверца открывается, и салон озаряется слабым светом.

Они разыскали меня! Остаток жизни в камере...

И вдруг, как ни странно, меня охватывает чувство облегчения. Все кончилось. По крайней мере, можно перестать убегать.

В мутном квадрате света показалась рука, затем ее обладатель.

– Господин Токунага, если не ошибаюсь?

Я мрачно киваю и делаю шаг навстречу поймавшим меня.

– Вы-то мне и нужны. Меня зовут Ота. Я начальник порта. Это мой брат разговаривал с вами насчет лекции в школе, где работает моя жена. Давайте отвезу вас в город. Вы наверняка устали – вон в какую даль забрались, и все на своих двоих.

Я послушно сажусь в машину, пристегиваю ремень дрожащими руками.

– Как хорошо, что я мимо проезжал. Было штормовое предупреждение, слышали? Гляжу – сидит кто-то, сгорбился, вид такой, словно ждет конца света. Не Токунага ли это, думаю. Неважно чувствуете себя сегодня?

– Нормально.

– Наверное, вы переусердствовали с морским воздухом. Наш воздух хорошо освежает мозги, но не в лошадиных же дозах... Вы очень много гуляете... Мне сказали про вашу жену... Искренно вам сочувствую.

– Смерть – это часть жизни.

– Верная мысль, согласен. Но ведь чувства так трудно себе подчинить.

– Только не мне. Я прекрасно умею подчинять свои чувства.

Он притормозил и погудел козлу, стоявшему посреди дороги. Козел презрительно фыркнул и удалился в поле.

– Надо сказать госпоже Бэссё, что Калигула опять сбежал. Козы всё сожрут. Так вы говорите, что умеете подчинять свои чувства. Замечательно, замечательно. Будет преступлением, если вы тут не поныряете, это я вам точно говорю. Какие у нас рифы! К северу от экватора лучших просто не найти – так все считают. А наша молодежь, она ждет не дождется, когда к ним в школу придет настоящий компьютерщик! Может, и не бог весть какие отличники, но ребятки они славные. Господин Токунага, если вы свободны завтра, жена приглашает вас на обед. Расскажите немного о себе, господин Токунага.

Дорога сворачивает к порту, как и все дороги на этом острове.

Туча вычеркивает одну за другой звезды с ночного неба.

* * *

Дождливое утро. Весна опаздывает. Я тоже. Горожане спешат на работу, подняв воротники и зонтики. Промокшие вишневые деревца на задворках домов выглядят совсем позимнему – морщинистые стволы, изрытые оспинами. Я выудил из кармана ключи, поднял ставни и открыл магазин.

Пока закипает вода, просматриваю почту. Несколько заказов на диски – отлично. Счета на оплату – плохо. Пара запросов от постоянного клиента из Нагано по поводу редких пластинок, о которых я никогда не слышал. В общем, макулатура. Совершенно заурядное утро. Пора выпить чашку черного китайского чая. Ставлю очень редкий диск Майлза Дэвиса, который Такэси откопал в коробке со всякой музыкальной всячиной, купленной в прошлом месяце на аукционе в Синагаве.

Это шедевр. «Мне и не приходило в голову»¹ – тут и счастье, и отчаяние. Ювелирная работа сурдиной, звук трубы сфокусирован в один луч. Медная тарелка солнца спряталась за облаками.

Первым покупателем на этой неделе оказался иностранец – то ли американец, то ли европеец, а может, австралиец. Попробуй разбери их – они же все на одно лицо. Короче, долговязый прыщавый иностранец. Но коллекционер настоящий, не праздный зевака. В глазах – искра одержимости, пальцы привыкли быстро-быстро перебирать метровые стопки дисков: так кассир в банке пересчитывает банкноты. Он купил минтовый первопресс «Бурного понедельника» Кенни Бёррелла² и «Путешествие в Данию» Дюка Джордана, пластинка

¹ «It Never Entered My Mind» – композиция из мюзикла Ричарда Роджерса и Лоренца Харта «Выше и выше» («Higher and Higher», 1940); Майлзом Дэвисом исполнена на альбоме «Workin' with the Miles Davis Quintet» (1956).

² Кенни Бёррелл (р. 1931) – американский джазовый гитарист, пластинку «Stormy Monday» выпустил в 1978 г.

1973 года³. Еще на нем была крутая футболка: Бэтмэн облетает небоскреб, а за ним тянется звездный шлейф. Я спросил, из какой он страны. Он ответил: «Большое спасибо». Все-таки европейцам плохо дается японский.

Чуть погода звонит Такэси:

– Сатору! Как отдохнул вчера?

– Неплохо. С утра – урок игры на саксе. Потом прошвырнулся с Кодзи. Проводил Таро до дому из пивной.

– Чеков на эпические суммы не присылали?

– Нет, ничего особо эпичного. Мелочовка всякая. А ты как провел выходные?

Собственно, ради этого вопроса он и звонит.

– Забавно, что ты спросил! В пятницу познакомился в одном клубе в Роппонги с божественной крошкой!

Даже по телефону почти слышно, как у него текут слюнки!

– Двадцать пять лет!

Для Такэси это идеальный возраст, он на десять лет старше.

– Помолвлена!

А это обстоятельство привносит аромат адюльтера и снимает с Такэси ответственность. «Трахаться только с теми женщинами, которые рискуют больше, чем ты» – таков его девиз.

– Тусовались до четырех утра. Просыпаюсь в субботу днем, какой-то отель в районе Тиёда, одежда – задом наперед. Понятия не имею, как мы там оказались! Тут она выходит из душа – голая, загорелая, капельки стекают по коже! И черт подери – опять хочет!

– Да, райское наслаждение. Вы еще встретитесь?

– А как же, конечно встретимся. У нас же любовь с первого взгляда! Сегодня обедаем во французском ресторане в Итигаве.

Это значит, что сегодня они будут заниматься любовью в итигавском доме свиданий.

– Seriously, видел бы ты ее попку! Два спелых персичка! Едва коснешься – и сок потек повсюду!

Обойдусь без этих подробностей.

– Так ты говоришь, она помолвлена?

– Ага. С клерком из отдела технологии и производства чернильных картриджей для фотокопировальных устройств компании «Фудзицу». Он знаком со знакомым начальника ее папы.

– Вот уж повезло парню.

– Да нет, все нормально. Никто ж не видал, верно? Из нее получится милая маленькая женушка, бьюсь об заклад. Ей только захотелось немного перебеситься, прежде чем заделаться домохозяйкой на всю оставшуюся жизнь.

Видимо, она и впрямь из ряда вон. Такэси как будто даже забыл, что всего две недели назад пытался помириться с женой, с которой они живут раздельно.

А дождь все идет и идет – вместо покупателей, те сидят по домам. То усиливается, то затихает, то опять усиливается. Телефонные провода потрескивают разрядами статического электричества. Как перкуссия Джимми Кобба в композиции «Синее на зеленом»⁴.

Такэси все не кладет трубку. Пожалуй, мне пора вставить словечко.

– А что она собой представляет? Я имею в виду характер.

³ Ирвинг Стэнли Джордан (1922–2006) – американский джазовый пианист, с 1978 г. жил в Дании. «Flight to Denmark» (1973) – первая из множества его пластинок, выпущенных датским лейблом «Steeplechase».

⁴ Джимми Кобб (р. 1929) – известный джазовый барабанщик, единственный до сих пор живущий участник записи альбома Майлза Дэвиса «Kind of Blue» (1959); «Blue in Green» – третья композиция с этой эпохальной пластинки.

– Отменный, – отвечает Такэси так, словно речь идет о новом сорте рисового печенья. – Ну ладно, мне пора. Пойду взбодрю моего агента по недвижимости. А то вообще не шевелится, и дело ни с места. Нет, лучше вылью ушат дерьма на его менеджера. А ты давай там, торгуй как следует, заработай мне побольше денежек. Если что, звони на мобильный.

Вот уж чего я никогда не делаю. Он вешает трубку.

Двадцать миллионов людей живут и работают в Токио. Город так огромен, что никто не знает, где он заканчивается. Он давно уже вышел за пределы равнины и с запада карабкается в гору, а с востока наступает на залив. Город непрерывно перечерчивает свои границы. К моменту, когда очередной путеводитель выходит из печати, он уже успевает устареть. Город раскинулся широко, высоко и глубоко. Непрерывное движение у тебя под ногами и над головой. Люди, эстакады, автомобили, тротуары, линии подземки, офисы, небоскребы, трубопроводы, жилые здания обступают со всех сторон, наваливаются на тебя. Нужно усилие, чтобы сопротивляться этой массе, иначе превратишься в пылинку, в муравья, затянутого в водоворот. В городах поменьше человек может использовать для самозащиты, чтобы отделить себя от других, внешнее пространство. Другое дело – Токио. Здесь человек лишен этого пространства, будь он хоть президент компании, хоть гангстер, хоть политический деятель или сам император. В вагонах метро тела вдавлены друг в друга, несколько рук цепляются за один поручень. Окна квартир смотрят только в окна квартир.

Поэтому в Токио, если хочешь спастись, ты должен создать *внутреннее* пространство – у себя в голове.

Все решают эту задачу по-разному. Кто-то выбирает физическую нагрузку до боли, до седьмого пота, до изнеможения. Их можно видеть в спортзалах, в оснащенных тренажерами бассейнах. Они же бегут трусцой в маленьких вытопанных скверах. Кто-то предпочитает другое прибежище – телевизор. Там нарядно и весело, там вечный праздник и не смолкают шутки, а законсервированный смех на всякий случай подсказывает, когда смеяться. Новости из-за рубежа обработаны с тонким расчетом: волновать, но не слишком, а ровно настолько, чтобы дать человеку повод еще раз порадоваться, как повезло ему родиться в своей стране. Под музыку вам объяснят, кого ненавидеть, кого жалеть, над кем смеяться.

У Такэси тоже имеется свое личное пространство. Это ночная жизнь. Клубы, бары и женщины, которые водятся там.

Есть множество других пространств такого же рода. Все вместе они образуют еще один Токио, только не видимый: он существует лишь в нашем сознании, сознании его обитателей. Интернет, комиксы, голливудское кино, апокалиптические секты – это все «углы», куда человек может забиться, чтобы почувствовать себя отдельным, то есть индивидуумом. Иные с ходу начинают вам рассказывать про свой «уголок» и тараторят без умолку весь вечер. Другие хранят свой «уголок» в тайне от чужих глаз, словно садик высоко в горах.

Люди, которые не смогли найти себе прибежища, бросаются в конце концов на рельсы подземки.

Мое прибежище – джаз. Джаз – самый прекрасный из всех «уголков» на свете. Краски и чувства там рождаются из звуков, а зрение ни при чем. Ты становишься слепым, но видишь больше. Вот почему я работаю в магазине у Такэси. Только об этом никогда никому не рассказываю.

Звонит телефон. Мама-сан.

– Сато, дорогой, Акико и Томоми подхватили этот жуткий грипп, который гуляет по городу, да и Аяка еще не оправилась. – (Аяка сделала аборт на прошлой неделе.) – Поэтому я сама открываю бар. Придется пойти пораньше. Ты сможешь где-нибудь пообедать?

– Мне восемнадцать уже исполнилось! Я смогу где-нибудь пообедать, что за вопрос!

Она смеется своим каркающим смехом.

– Ты славный мальчуган! – И вешает трубку.

Настроение – как у Билли Холидей. Я имею в виду «Леди в атласном платье», которую она записала после дозы героина и бутылки джина за год до смерти⁵. В голосе – обреченные ноты осеннего гобоя.

Интересно, что случилось с моей настоящей матерью. Не то чтобы я сгораю от любопытства. Толку-то сгорать. Мама-сан сказала, что ее депортировали обратно на Филиппины и запретили приезжать в Японию. Но иногда, очень-очень редко, я думаю о ней – где она сейчас, что делает и вспоминает ли обо мне.

Мама-сан сказала, что, когда я родился, моему отцу было восемнадцать лет. Теперь мне столько же. Его, конечно, выставляют жертвой. Этаким невинный мальчик, которого соблазнила коварная иностранка – сцапала, как акула, чтобы заполучить визу. Ясно, что правды я не узнаю, если только не разбогатею и не найму частного сыщика. Думаю, у семьи моего отца водятся денежки, если он в моем нежном возрасте мог ходить по хостесс-барам, а потом выйти сухим из этой скандальной истории. Интересно знать, какие чувства они с матерью питали друг к другу, если питали.

Он заходил однажды. Сто процентов – это был он. Крутой мужик лет под сорок. Ботинки на толстой подошве, темно-коричневая замшевая куртка. Серьга в одном ухе. Мне с первой минуты его лицо показалось знакомым, будто где-то раньше видел. Подумал: наверное, музыкант. Он прошелся по магазину, спросил пластинку Чика Кория⁶, которая у нас, к счастью, оказалась. Он расплатился, я упаковал диск, и он вышел. Только тут я сообразил, на кого он похож. На меня.

Я попробовал рассчитать вероятность нашей случайной встречи в таком мегаполисе, как Токио, но калькулятор зашкалило – не влезали все знаки после запятой. И я подумал – а что, если он инкогнито приходил посмотреть на меня? Может, он думает обо мне, как и я о нем. Много времени должно пройти, прежде чем мы, сироты, научимся трезво относиться к таким вещам. При первом же удобном случае кидаемся все романтизировать, да еще как! И притом я не то чтобы настоящий сирота, сиротства я не испытал. У меня всегда была Мама-сан.

Я выскакиваю на минутку, чтобы почувствовать капли дождя на коже. Вдохнуть свежего воздуха. Фургон резко тормозит и гудит старушке, которая толкает перед собой тележку. Та оглянулась и замахала на него руками, как колдунья. Фургон гуданул еще раз, словно разозлившись. А вот плывет длинноногая красавица в норковом пальто, она не сомневается в своей безумной привлекательности. За ней вышагивает богатенький муж и ведет на поводке морщинистого пса с высунутым до земли языком. Женщина переводит взгляд в сторону и, прежде чем скрыться из виду, замечает на мгновение выпускника средней школы, гробящего свои молодые годы в убогой лавчонке, где и посетителей-то почти не бывает.

Таково мое место в этой жизни. На память приходит еще один диск Билли Холидей. Однажды душным долгим вечером в Чикаго она спела «Будет другая весна»⁷, а зал аплодировал ей, пока не кончились силы.

Телефон.

– Привет, Сатору. Это я, Кодзи.

⁵ «Lady in Satin» – последний альбом Билли Холидей (1915–1959); записан в феврале 1958 г., выпущен в июне.

⁶ Чик Кория (Армандо Энтони Кория, р. 1941) – пианист и композитор, в 1970-е гг. один из лидеров стиля фьюжн.

⁷ «Some Other Spring» – песня Артура Херцога-мл. и Айрин Китчингс, записана Билли Холидей в 1939 г.

– Ничего не слышу! Что за грохот там у тебя?

– Я из институтской столовой.

– Как экзамен по машиностроению?

– Пришлось здорово потрудиться...

На самом деле он почти не готовился.

– Поздравляю! Значит, в храме побывал не зря? Когда объявят результаты?

– Недели через три-четыре. Главное, все позади. Уже хорошо. А поздравлять меня пока рано... Слушай, отец сейчас в Токио. Мама сегодня готовит сукияки⁸. Вот они и подумали – может, зайдешь, поможешь нам с ним управиться? Как ты, старик? А засидимся – переночуешь в комнате сестры. Она с классом уехала на экскурсию на Окинаву.

Про себя хмыкаю и крикаю. Вообще-то родители Кодзи – славные, порядочные люди, одно плохо – считают своим долгом наставлять меня на путь истинный. Никак в толк не возьмут, что меня вполне устраивает моя жизнь – с дисками, с уроками игры на саксофоне и с моим личным «углом». В основе их участия лежит жалость, а вот жалости я не перевариваю, лучше буду дерьмо ложкой лопать, как и полагается сироте.

Но Кодзи – мой друг. Пожалуй, единственный.

– Спасибо, приду с удовольствием. Что захватить?

– Ничего, захвати себя.

Значит, цветы для мамы и пиво для папы.

– Я буду сразу после работы.

– О'кей, до встречи.

– До встречи.

Это время дня ассоциируется у меня с Мэлом Уолдроном⁹. Магазины закрываются рано. Хозяин овощной лавки заносит внутрь ящики с белым редисом, морковкой и корнями лотоса. Опуская ставни, замечает меня и сдержанно кивает. Он никогда не улыбается. Прогрохотал грузовик, и стайка голубей рассыпалась в разные стороны. Нотки «Одиночества» падают тяжело, словно камушки на дно глубокого колодца: играет Джеки Маклин¹⁰, и столько печали и тяжести в звуках его саксофона, что им не подняться над землей.

Открывается дверь, впуская запах чистого, промытого дождем воздуха. Входят четыре старшеклассницы, но одна из них – совершенно, совершенно особенная. Она сияет и переливается, как квазар. Я понимаю, это звучит глупо – но что поделаешь, если она светится!

Три вертихвостки сразу бросились к прилавку. Хорошенькие, спору нет, но можно подумать, что все трое вылупились из одного яйца. Волосы одинаковой длины, губки одного цвета, одинаковые фигуры в одинаковой школьной форме. Одна из них – видимо, заводила – жеманным и капризным голосом требует последний хит, от которого сейчас балдеют все подростки.

Я не очень-то прислушиваюсь к ним. Я не умею описывать женщин, не то что Такэси или Кодзи. Но если вы слышали «После дождя» Дюка Пирсона¹¹ – то вот, четвертая так же чиста и прекрасна.

Она остановилась у окна и смотрит на улицу. Что ее там привлекает? Чувствуется, что она стесняется своих одноклассниц. Да и как может быть иначе! Она – такая живая и настоящая рядом с этими картонными куклами. Она живет настоящей жизнью, которая и

⁸ Говядина, тушенная в бульоне с овощами, грибами и соевым творогом тофу.

⁹ Мэл Уолдрон (1925–2002) – американский джазовый пианист, с 1965 г. в Европе.

¹⁰ Джеки Маклин (р. 1932) – альт-саксофонист и флейтист из Нью-Йорка, играл на пластинке Мэла Уолдрона «Left Alone» (1987).

¹¹ Дюк Пирсон (Коламбус Кэлвин Пирсон-мл., 1932–1980) – американский джазовый пианист и композитор, одна из самых ярких фигур хард-бопа 1960-х гг. «After the Rain» – композиция с его альбома «Sweet Honey Bee» (1966).

делает ее такой настоящей, и мне хочется узнать эту жизнь, прочесть, как книгу. У меня появилось дико странное чувство. Точнее, я подумал... Не помню точно, что я подумал... Впрочем, вряд ли я думал вообще...

Она замерла и слушает музыку! Боится шевельнуться, чтоб не испугнуть музыку.

– Так есть у вас этот диск или нет, я спрашиваю? – повысила голос вырезанная по трафарету девчонка. Наверное, нужно долго тренироваться, чтобы ваш голос зазвучал так противно.

Две другие захихикали.

У заводилы зазвонил телефон, и она вынимает трубку.

Я разозлился на девиц из-за того, что мешают смотреть на четвертую.

– Слушайте, наш магазин для коллекционеров. То, что вам надо, продается в ларьках с игрушками у метро.

Богатые девчонки из Сибуи – дворняжки, откормленные трюфелями. Девушки в баре у Мамы-сан – те вынуждены были пройти суровую школу выживания. Им нельзя потерять клиентов, нельзя потерять лицо, нельзя потерять себя. Да, жизнь оставила на них глубокие шрамы. Но они уважают себя, и это сразу видно. Они уважают друг друга. И я уважаю их. Они настоящие.

А в этих девчонках, которые молятся на глянцевые журналы, в них нет ничего настоящего. У них журнальное выражение лица, они щебечут на журнальном языке и одеты все по-журнальному. Они сами сделали свой выбор. Не знаю, можно ли их винить. Конечно, шрамы не украшают. Но посмотрите! Эти девчонки такие же пустые, глянцевые, одинаковые и бездушные, как их журналы.

– Мальчик слегка не в духе сегодня? Подружка продинамила? – Заводила наклоняется над прилавком и трясет головой в нескольких сантиметрах от меня.

Я представляю, как она с таким же выражением лица переходит из бара в бар, из бара в автомобиль, из автомобиля в дом свиданий.

Подружки прыскают со смеху и оттаскивают ее прежде, чем я успеваю придумать в ответ что-нибудь остроумное. У двери они мешкают.

– Ну, что я тебе говорила! – фыркает одна девица.

Другая все еще болтает по телефону.

– Понятия не имею, где мы, – говорит она. – Какой-то паршивый магазин возле паршивого сарая. А ты где?.. Так ты идешь? – Заводила поворачивается к ней, а она все так же стоит у окна и слушает Мэла Уолдрона.

«Нет, – гипнотизирую ее. – Скажи “нет” и останься со мной, в моем углу».

– Повторяю, – отчеканивает заводила, – ты – идешь – с – нами?

Может, она глухонемая, думаю я.

– Да, пожалуй, – откликается она удивительным голосом. Таким живым и настоящим.

«Оглянись, – умоляю я. – Оглянись. Взгляни на меня. Хотя бы раз – взгляни на меня».

В дверях она оборачивается и смотрит на меня через плечо. Мое сердце подпрыгнуло, как на батуте, а она следом за остальными вышла на улицу.

* * *

Вишневые деревца подают кое-какие надежды. Коричневые ветки на концах припухли, и сквозь кору вот-вот прорежутся почки. Голуби курлычут и прохаживаются с важным видом. Меня давно интересует – они напускают на себя важность, чтобы произвести впечатление на противоположный пол, или они задаваки по натуре? Вот что следовало бы изучать в школьной программе. А не всякую чепуху типа «как называется столица Монголии». Воздух стал теплым и влажным. На улице чувствуешь себя, будто залез в палатку. Слышно,

как в соседнем здании дрель вгрызается в бетон. Такэси сказал – готовится к открытию очередной магазин спортивного снаряжения для серфинга и водных лыж. Просто диву даешься, сколько у нас в Токио любителей серфинга и водных лыж.

Включаю сборник Чарли Паркера на полную громкость, чтобы заглушить скрежет металла по бетону. Чарли Паркер, страстный и порочный, уж он-то не понаслышке знал, что такое безжалостность. «Расслабляясь в “Камарильо”», «Так ли глубок океан», «Все на свете – ты», «Из ниоткуда», «Ночь в Тунисе»¹².

Я набрасываю на ту девушку легкую накидку, и она выскальзывает за порог, под небо Северной Африки.

Быть белой вороной, как я, – ничего хорошего. Могут и заклевать.

Однажды мы с Кодзи пошли в Роппонги, он был в ударе и завел знакомство с двумя девчонками из Шотландии. Я-то сперва подумал, что они учительницы в какой-нибудь задрипанной английской школе, но нет, оказалось – «экзотические танцовщицы». Кодзи здорово говорит по-английски – в классе всегда был из первых. Я-то не особо налегал на английский – это девчачий предмет, но, когда открыл для себя джаз, признался английским дома, сам, чтобы читать интервью с великими музыкантами, а они все сплошь американцы. Но читать – это одно, а говорить – совсем другое. Поэтому Кодзи приходилось работать за переводчика. Так вот, эти девчонки сказали, что у них на родине каждый стремится быть не как все. Ради этого красят волосы в такой цвет, как ни у кого, покупают одежду, как ни у кого, слушают музыку, которой никто не знает. Просто не верится! Потом они спросили: отчего здесь наоборот, все девчонки хотят походить друг на друга? Кодзи ответил: «Потому что они девчонки! Почему все копы одинаковые? Потому что они копы, вот почему». Тогда одна из этих шотландок спросила: а почему японские ребята, как обезьяны, подражают американцам? Одежда, рэп, скейтборды, стрижки. Я сказал – дело не в том, что они так уж обожают все американское, просто они отвергают все японское, доставшееся от родителей. Но поскольку собственной молодежной культуры у нас нет, вот им и приходится брать первое, что под руку попадется, а это, естественно, американское. Но вообще-то не американская культура имеет нас, а мы имеем ее.

Переводя последнюю фразу, Кодзи запнулся.

Я начал расспрашивать девушек про личное пространство: есть ли у них по жизни свой «угол». Подумал, такой разговор как раз в тему. Но ничего путного не добился, если не считать того, что в Японии, дескать, квартирки ужасно маленькие, а у них в Англии все дома с центральным отоплением. Потом подошли их приятели моряки. Две крутые американские гориллы. Они без особого интереса смерили нас с Кодзи взглядом сверху вниз, и мы отчалили, решив, что самое время пропустить по стаканчику в баре.

Да, жизнь у меня, конечно, не такая, как у всех. Пока учился в средней школе, все меня доставали из-за того, что нет родителей. Даже подработать и то было сложно устроиться – все равно как если у тебя родители корейцы. Людям до всего есть дело. Проще, конечно, было сказать, что родители погибли в автомобильной катастрофе, но я не собираюсь врать в угоду каждой дубовой башке. К тому же, если ты говоришь о человеке, что он умер, судьба может понять это как подсказку и пошлет ему смерть. Да-да, у нас в Токио слухи распростра-

¹² «Relaxin' at Camarillo» – композиция записана в 1947 г. («Камарильо» – психиатрическая клиника, в которой Паркер перед этим провел полгода.) «How Deep Is the Ocean» (1932) – песня Ирвинга Берлина, Паркером записана в 1947 г. «All the Things You Are» (1939) – песня Джерома Керна и Оскара Хаммерстайна, Паркером впервые записана в 1946–1947 гг., однако наиболее известно исполнение (вместе с Диззи Гиллеспи и Чарльзом Мингусом) на концерте «Jazz at Massey Hall» (1953). Композицию Джонни Грина и Эдварда Хеймана «Out of Nowhere» (1931) Паркер впервые записал в 1946 г. Композицию Диззи Гиллеспи и Фрэнка Папарелли «A Night in Tunisia» (1942) Паркер впервые записал в 1946 г.

няются телепатически. Город гигантский, но всегда есть кто-то, у кого есть знакомый, который знает твоего знакомого. Анонимность не исключает совпадений, она только делает их более поразительными. Вот почему я убежден, что мой отец вполне мог зайти в мой магазин.

Так что с младших классов я вынужден был драться. Я часто проигрывал, но это не важно. Таро, вышибала в баре у Мамы-сан, всегда говорит мне, что лучше терпеть поражение в драке, чем терпеть обиду. Проиграть бой лучше, чем отказаться от него: так ты закаляешь волю, а это главное. Таро повторяет: люди уважают того, у кого сильная воля, а труса не уважает даже трус. Таро научил меня, как ударить головой, если противник выше ростом, как бить коленом в пах, как выкрутить руки. Поэтому в старших классах уже мало кто решался меня задевать. Помню, однажды возле школы меня поджидала шайка парней из якудзы: чьему-то брату я на перемене раскровенил нос. До сих пор не знаю, кто предупредил Маму-сан – Кодзи, наверное, – потому что она в тот день послала Таро встретить меня. Он выждал, когда в парке меня окружили, вылетел из засады и сделал из них семь лепешек дерьма. Вот так-то. Мне сейчас пришло в голову: а ведь Таро, по сути, всегда был мне как отец.

В магазин входит мужчина в кроваво-красном кожаном пиджаке. Не обращая внимания на меня, он нашел стеллаж с Чарльзом Мингусом¹³ и скупил почти все, что было на полках, включая раритеты. Купюры в десять тысяч иен он комкал, как туалетную бумагу. Скидкой не поинтересовался, хотя я охотно ее предоставил бы. И вот я остался один на один с кучей денег. Сразу звоню Такэси сообщить хорошую новость. Пусть заедет вечером, заберет деньги – у него проблемы с наличными, я знаю.

– Вот это да! – обрадовался Такэси. – Тогда живем, малыш! Просто здорово, здорово, здорово!

В трубке слышатся звуки галлюциногенной музыки – напоминает мигрень и стоны изнемогающей от щемотки женщины.

Сообразив, что вклинился не вовремя, я прощаюсь и вешаю трубку.

Между тем еще только одиннадцать утра!

В конце школы Кодзи оказался самым высоколобым у нас в классе, а значит, тоже не таким, как все. Аутсайдером. Вообще-то он мог бы учиться в школе гораздо лучше нашей, но, пока ему не исполнилось пятнадцати, отца часто переводили с места на место, и Кодзи нелегко было каждый раз заново приспособливаться. К тому же у Кодзи всегда были страшные проблемы с физкультурой – спортсмен из него никакой. Клянусь, я не видел, чтобы он хоть раз за три года попал мячом в кольцо. А однажды, когда он размахнулся что есть мочи, бейсбольная бита вырвалась у него из рук, полетела, как ракета, и угодила прямо в господина Икэду, нашего учителя физкультуры, боготворившего Юкио Мисиму. Правда, я не уверен, что он за всю свою жизнь хоть одну книгу прочел до конца.

От смеха меня аж скрючило пополам, поэтому я не видел, смеялся еще кто-нибудь или нет. Этот смех мне дорого обошелся: весь семестр убирал туалет вместе с Кодзи. Тогда-то я и узнал, что он увлекается игрой на фортепьяно. А я как раз начинал играть на саксофоне. Так вот мы с ним и подружились. Благодаря самому вонючему учителю физкультуры и самому вонючему туалету во всей системе национального образования.

Один из наших завсегдатаев, господин Фудзимото, заходит во время своего обеденного перерыва. Прозвенел дверной колокольчик, и под порывом ветра затрепетали бумаги на прилавке. Как всегда, господин Фудзимото смеется. Он смеется, потому что рад меня видеть.

¹³ Чарльз Мингус (1922–1979) – выдающийся джазовый контрабасист и композитор.

Он кладет на прилавок стопку книг для меня. Я каждый раз пытаюсь отдать ему деньги, а он каждый раз не берет. Говорит – это плата за мои консультации по джазу.

– Здравствуйте, господин Фудзимото! Как дела на работе?

– Отвратительно!

Господин Фудзимото всегда говорит очень громко, при любых обстоятельствах. Как будто больше всего на свете боится, что его не услышат. А когда он хохочет от души, то просто чувствуешь, как звуковая волна толкает тебя в грудь.

Наш магазин приютился между кварталом Отэматэ, где расположены офисы, и кварталом Отяномидза, где расположены издательства, и наши покупатели, как правило, работают либо там, либо там. Отличить одних от других не составляет труда. Большие деньги накладывают на своих служащих особый отпечаток. Взгляд у тех делается пронзительный, голодный. Трудно описать словами, но это так. Для них внутреннее прибежище – деньги. К тому же деньгами можно измерять свою значимость.

А служащие издательств – совсем другой народ, они одержимы маниакальной веселостью. Господин Фудзимото – прекрасный тому пример. Он каламбурит без конца и бездарно. Вот образчик:

– Добрый день, дорогой Сатору! Ты бы не мог попросить Такэси, чтобы он поставил сюда стул поудобнее? А то он, как всегда, гуляет, а тебе – сиди и сиди!

– Ну что вы! Я не сижу, я работаю. – В ожидании развязки я проявляю осторожность.

– А я и сказал – тебе «си-ди», СД – хохочет он.

Я невольно морщусь, но его это не смущает. По нему, чем хуже, тем лучше.

На этот раз господин Фудзимото ищет чего-нибудь в духе Ли Морган¹⁴. Я рекомендую ему «Кадиллак для папочки» Хэнк Мобли¹⁵, и он покупает не раздумывая. Я знаю его вкус. Чем фанковей, тем лучше. Когда я передаю ему сдачу, он неожиданно серьезнеет. Снимает очки с толстыми стеклами, протирает их и говорит более официальным тоном:

– Позволь поинтересоваться, Сатору. Не собираешься ли ты в следующем году подавать документы в колледж?

– Да что вы, нет, конечно...

– Ты еще не выбрал профессию?

Он уже не раз заводил этот разговор. Я знаю, к чему он клонит.

– Нет; правда, пока у меня нет конкретных планов. Поживем – увидим.

– Конечно, Сатору, это абсолютно не мое дело, и прости, что вмешиваюсь. Я позволяю себе это лишь потому, что у меня на работе открылась пара вакансий. Конечно, скромных. Немногим лучше должности редакционного мальчишки на побегушках, по сути. Но если ты заинтересуешься, с радостью дам тебе рекомендацию. И на собеседование устрою. По моему, неплохой вариант. Знаешь, когда-то я сам начинал с этого. Длинный путь начинается с первого шага.

Я обвожу взглядом магазин.

– Это очень заманчивое предложение, господин Фудзимото. Но я не знаю, что сказать.

– Обдумай все хорошенько, Сатору. Я на несколько дней уеду по делам в Киото. Пока не вернусь, собеседования не начнутся. С твоим хозяином я сам могу поговорить, если это тебя смущает. Я знаю, Такэси хорошо к тебе относится, так что не станет вставлять палки в колеса.

– Нет, не в этом дело. Благодарю вас. Просто я должен все хорошенько обдумать. Еще раз благодарю... Сколько с меня за книги?

¹⁴ Ли Морган (1938–1972) – американский трубач, представитель хард-бопа.

¹⁵ Хэнк Мобли (1930–1986) – тенор-саксофонист, исполнял хард-боп и соул-джаз. Пластинку «A Caddy for Daddy» выпустил в 1965 г.

– Нисколько. Это гонорар за твои консультации. Некоторые образцы мы бесплатно раздаем для рекламы. Карманные издания классики в мягкой обложке. Помню, тебе понравился «Великий Гэтсби». Я принес рассказы Фицджеральда в новом переводе Мураками. Еще «Повелитель мух». Вот это очень смешно. И новый Гарсиа Маркес.

– Вы очень добры.

– Ерунда! Так ты всерьез подумай об издательской карьере. Не худший способ зарабатывать на жизнь.

Последнее время я часто думаю о той девушке. Двадцать, а может, тридцать, а может, сорок раз на дню. Когда начинаю думать о ней, уже не хочу останавливаться, как не хочется зимним утром вылезать из-под теплого душа. Я приглаживаю пальцами волосы и рассматриваю себя, используя вместо зеркала диск Фэтса Наварро¹⁶. Встретимся ли мы еще? Я даже не помню точно ее лица. Нежная кожа, высокие скулы, миндалевидные глаза. Похожа на китайскую императрицу. Думая о ней, я вспоминаю не лицо. Просто впечатление. Звук, для которого еще не придумано слов.

Я сам на себя злюсь. Не то чтобы я рассчитываю снова встретить ее. Токио есть Токио, как ни крути. И потом, допустим даже, что мы встретимся. Из чего следует, что она обратит на меня хоть малейшее внимание? Моя голова так устроена, что я могу думать зараз только об одном. По крайней мере, надо думать о чем-то толковом.

Я начинаю обдумывать предложение господина Фудзимото. И вправду – что я тут делаю, в этом магазине? Кодзи строит свою жизнь. Все мои одноклассники либо учатся в колледжах, либо пристроены в хорошие фирмы. Мама Кодзи регулярно докладывает мне об их успехах. А я что делаю тут?

За окном проехал парень в инвалидной коляске.

Стоп, стоп. Это мой угол, мое место в жизни. Главное, не забывать. Время послушать джаз.

«Подводное течение» Джима Холла и Билла Эванса¹⁷. Зыбь на море, ветер колышет поверхность воды, потом стихает, и в неподвижном зеркале отражаются деревья. Другая песня, в ней – все краски нашего моря.

И та девушка тоже. Обнаженная, она плывет на спине, течение несет ее, как буюк.

Заварив себе зеленого чая, я смотрю, как над чашкой поднимается пар и смешивается с воздухом суматошного дня. Кодзи постучал в окно, широко улыбнулся, прижался лицом к стеклу и стал похож на пьяного карлика.

Я улыбаюсь в ответ. Он входит своей размашистой прыгающей походкой.

– Где это ты витаешь? – спрашивает он, – Я по дороге заглянул в кондитерскую. Как насчет ванильного бисквита?

– Отлично. Сейчас налью тебе чаю. Вчера получили прекрасный диск Кита Джаррета¹⁸, ты обязан послушать! Просто не верится, что он сочиняет в машине, на ходу!

– Печать гения. Может, когда закончишь работу, сходим куда-нибудь, посидим?

– Куда?

– Не знаю. Туда, где бывают сексапильные девушки, которые изголодались по свежему мужскому телу. Может, в бар Студенческого союза? Но если ты сегодня вечером занят поиском смысла жизни, отложим до другого раза. Закурим?

¹⁶ Теодор Наварро (1923–1950) – американский трубач, один из пионеров бибоп-импровизации.

¹⁷ «Undercurrent» (1963) – альбом гитариста Джима Холла (р. 1930) и пианиста Билла Эванса (1929–1980). В оформлении конверта использована знаменитая фотография Тони Фриссел «Дама в воде» («Weeki Wachee Spring, Florida», 1947), что обыгрывается несколькими строками ниже.

¹⁸ Кит Джаррет (р. 1945) – выдающийся пианист джазового и классического репертуара, импровизатор, композитор.

– Давай. Бери стул, садись.

Кодзи очень нравится разыгрывать из себя законченного бабника с черствым сердцем, на манер Такэси. На самом деле сердце у него зачерствело не больше, чем ванильный пончик. Еще и поэтому я люблю его. Закуриваем.

– Кодзи, а ты веришь в любовь с первого взгляда?

Он откидывается на спинку стула и плотоядно оскаливается.

– И кто же она?

– Нет, нет, нет. Никто конкретно. Я спрашиваю в принципе.

Кодзи задумчиво смотрит в потолок. Наконец выпускает колечко дыма и изрекает:

– Я верю в страсть с первого взгляда. Только нужно сохранять твердость, иначе превратишься в слизняка. А в слизняков, милый мой, не влюбляются. Ни в коем случае не смей показывать свои чувства. Иначе ты пропал, – Кодзи смотрит таким Хамфри Богартом. – Будь загадочен, малыш. Будь крут. Понял?

– Понял, понял. Буду брать пример с тебя. Когда ты прошлый раз влюбился, ты был крут, как Бемби. А если серьезно?

– А если серьезно... – Кодзи выпускает еще одно колечко дыма. – Любовь, по-моему, вырастает из понимания, разве нет? Нужно очень хорошо узнать человека, чтобы полюбить его. Поэтому любовь с первого взгляда – явное противоречие. Если, конечно, с первым взглядом не происходит мистическая загрузка гигабайтов информации из одного мозга в другой. Но это ведь маловероятно, правда?

– Хм. Кто его знает...

Я налил другу чашку чая.

* * *

Вишневые деревья как-то вдруг все покрылись цветами. Волшебная кипящая пена колышется над нашими головами, окрашивая воздух в цвет, который невозможно описать простыми словами вроде «белое» или «розовое». Как невзрачным деревьям из безымянных закоулков удастся породить эту нездешнюю материю? Ежегодное чудо, которое не укладывается у меня в голове.

Это утро звучит, как Элла Фицджеральд. На свете много чудес, что ни говори. Достоинство, благородство, доброта и юмор встречаются там, где не ждешь. Уже старухой, с ампутированными ногами, в инвалидной коляске, Элла пела, как девочка, которая только что окончила школу и встретила первую любовь.

Звонит телефон.

– Это Такэси.

– Привет, босс. Как твои дела? Хорошо?

– Ничего хорошего. Хуже некуда.

– Что случилось?

– То, что я идиот. Полный идиот. Законченный идиот. Почему, почему люди так по-идиотски себя ведут?

Он уже напился вдрызг, а я успел выпить только чашку чая.

– Скажи, Сатору, в каком месте у человека рождаются такие желания? Нет, ты мне скажи! – требует Такэси, словно я наверняка знаю, но из вредности отказываюсь открыть секрет. – Полчаса судорожных объятий, несколько укусов, три секунды оргазма – если повезет, полчаса приятной полудремы, а когда очнулся – понимаешь, что ты просто мерзкий кобель и спустил в унитаз миллионы сперматозоидов и шесть лет брака. Почему мы устроены таким образом, ну почему?

Не знаю, как ответить, чтобы было и честно, и утешительно. Так и говорю:

– Не знаю, Такэси.

Тогда Такэси рассказывает мне всю историю, причем раза три.

– Понимаешь, за мной заехала жена. Мы условились пообедать вместе, хотели обсудить наши отношения, договориться до чего-нибудь... Я купил ей цветы, она мне новый полосатый пиджак... Ужасно отстойный, конечно, но главное – она помнит мой размер, понимаешь... Это как трубка мира... Мы уже собирались выходить, но тут она зашла в ванную... И что она там нашла, как ты думаешь?

Я хотел было сказать «труп домработницы», но вместо этого переспросил:

– Что?

– Косметичку домработницы. И платье. И еще записку. Губной помадой на зеркале.

– И что она написала?

– Не твое дело.

Я слышу позвякивание льдинок – Такэси доливает в бокал.

– Короче, жена все прочла, спокойно вышла из ванной, облила пиджак водкой, подожгла и ушла, не сказав ни слова. Пиджак сжукожился и расплавился.

– Такова сила письменного слова.

– Пошел к черту, Сатору. Мне бы твои годы! Как все просто было тогда! Что я наделал? Скажи, откуда пошел этот миф?

– Какой еще миф?

– Такой, который отравляет жизнь всем мужикам. Что жизнь без секса, без обмана и без тайны – только полжизни. С чего это взяли? И ладно бы встретил королеву красоты, потерял голову. Так нет же, нет. Тупая шлюха-домработница. Ну почему? Ради чего?

Мне же только девятнадцать. Окончил школу в прошлом году. Я и правда не знаю.

Мне очень жалко его, когда он так убивается. Слава богу, в магазин входят Мама-сан и Таро, и я могу с чистой совестью оставить без ответа его вопросы, на которые ответа нет.

Если бы Мама-сан была птицей, то доброй белой вороной.

Таро никак не может быть птицей. Из Таро скорее получится танк. Уже много-много лет он повсюду сопровождает Маму-сан. Это началось задолго до моего появления. Их отношения имеют глубину, в которую мне не дано проникнуть. Я видел старые фотографии шестидесятых – семидесятых годов. Они были прекрасной парой, в своем роде, конечно. Сейчас они напоминают хрупкую госпожу с верным бульдогом. Ходят слухи, что в молодости Таро выполнял кое-какую работенку для якудзы. Выбивание долгов и тому подобное. У него до сих пор остались дружки в этом мире, и эти связи бывают очень кстати, когда «Дикой орхидее» приходит время платить за крышу. Мама-сан получает шестидесятипроцентную скидку. Те же дружки, связанные с городской администрацией, помогли мне получить полноценное японское гражданство.

Мама-сан принесла мне обед.

– Я знаю, ты проспал сегодня утром, – каркает она. – И все из-за ночного разгула.

– А у вас когда разошлись последние посетители?

– В полчетвертого утра. Люди с «Мицубиси»... Один из них положил глаз на Юми-тян. Настаивает на встрече в субботу.

– А что сказала Юми-тян?

– «Мицубиси» всегда платит в срок. У них в фирме каждый месяц выделяют деньги на развлечения, и их обязательно нужно потратить. Я пообещала ей новый наряд, что-нибудь пошикарнее, если она согласится. Кроме того, мужчина женат, так что осложнений не предвидится.

– А вы хорошо развлеклись с Кодзи вчера вечером? – Таро оглядывает помещение, как телохранитель, который оценивает варианты для отхода.

– Да, – киваю. – Я немного перебрал. Потому и проспал.

Таро хохотнул:

– Он славный парень, твой Кодзи. На него можно положиться – не обосрет. Цыпочек подцепили?

– Только таких, которых интересует одно: тонированные у тебя в гоночной машине стекла или нет.

– Слушай, у женщин ведь кроме головы есть еще кое-что, – опять хохотнул Таро. – Как раз сегодня утром Аяка сказала, что парень твоего возраста должен почаще трахаться – для здоровья...

– Таро, оставь Сатору в покое, – ласково улыбается мне Мама-сан. – Сакура зацвела – как на картине, правда? Мы с Таро пройдемся по магазинам, а потом поедem в парк Уэно. Девочки госпожи Накамори пригласили наших на праздник цветения сакуры, и мы с Таро заглянем проверить, не натворят ли они чего. Ах да, чуть не забыла. Госпожа Накамори спрашивает, не сможете ли вы с Кодзи сыграть в ее ресторанчике в следующее воскресенье? Тромбонист из ее постоянной группы сломал руку. Попал в переделку, что-то там с куском водопроводной трубы и зверями из зоопарка, я не вникала в подробности. Короче, бедняга сможет разогнуть руку не раньше чем в июне. Так что вся группа осталась не у дел. Я сказала госпоже Накамори, что не знаю, когда у Кодзи снова начнутся занятия в колледже. Может, ты сам позвонишь ей сегодня или завтра? Пошли, Таро. Нам пора.

Таро берет книгу, которую я читаю.

– Что за штука? «Мадам Бовари»? Чудик француз написал? Что ты об этом думаешь, Мама-сан? Учиться не пошел, как мы его ни уговаривали, а на работе читает, а? – Он читает вслух строчку, которую я подчеркнул: – «До идолов дотрагиваться нельзя – позолота пристаet к пальцам»¹⁹, – и на мгновение призадумывается. – Забавная штука книги. Да, Мама-сан... Пойдем-ка лучше.

– Спасибо вам за обед, – говорю я.

Мама-сан кивает:

– Аяка приготовила. Пожарила угря – знает, как ты его любишь. Не забудь поблагодарить ее вечером. До свидания.

Небо становится все голубее. Я ем обед, думая о том, как хорошо было бы тоже оказаться в парке Уэно. Девушки у Мама-сан ужасно славные. Относятся ко мне как к младшему брату. Они бы расстелили под деревом большое одеяло и пели старинные песни, а слова придумывали сами. В Сибуя и тому подобных местах мне доводилось видеть пьяных иностранцев. Они превращаются в животных. С японцами так не бывает. Выпив, они становятся более легкомысленными, но не звереют. Для японца алкоголь – это способ выпустить пар. А у иностранцев алкоголь, похоже, разводит пары. И еще они целуются на людях, ей-богу! Я своими глазами видел, как они засовывают девушке в рот язык и тискают ее за грудь. И это в баре, у всех на виду! Я к этому никогда не смогу привыкнуть. Мама-сан велит Таро говорить иностранцам, что у нас в баре нет мест, или выставляет им такой астрономический счет, что другой раз они уже не суются.

Диск закончился. Я доел последний кусочек жареного угря с рисом и маринованным перцем. Аяка умеет приготовить вкусный обед.

Заболела спина. Рановато. Молод я для болей в пояснице. Наверное, из-за неудобного стула: на нем не распрямиться. Когда Такэси выкарабкается из очередного финансового кризиса, попрошу его купить новый стул. Однако, судя по всему, ждать мне придется долго. Что

¹⁹ Перевод Н. Любимова.

бы еще послушать? Роюсь в ящике с неразобранными пластинками, который Такэси оставил на полу за прилавком, но там нет ничего новенького. Конечно, подыскать что-нибудь можно – все-таки у нас в магазине двенадцать тысяч наименований. И вдруг мне становится страшно – а что, если музыка больше меня не греет?

День выдался хлопотливый. Наплыв и просто зевак, и покупателей. Я не заметил, как наступило семь часов. Снял кассу, положил выручку в сейф, который стоит в крошечной служебке, включил сигнализацию и запер дверь в служебку. Потом засунул в сумку «Мадам Бовари», коробку из-под обеда и диск Бенни Гудмена²⁰, который хотел послушать вечером, – прелести служебного положения. Гашу свет, выхожу и закрываю входную дверь.

Я уже опускал ставни, когда в магазине зазвонил телефон. Черт подери! Первое желание было притвориться, что ничего не слышу, но потом подумал – тогда весь вечер промаюсь догадками, кто бы это мог быть. Начну обзванивать одного знакомого за другим, выяснять, не звонил ли он мне. А если окажется, что звонил, придется объяснять, почему я не взял трубку... Нет уж, к черту! Проще сейчас открыть магазин и ответить.

Потом я много раз думал об этом: не зазвони телефон в тот момент, не реши я вернуться и снять трубку – не произошло бы то, что произошло.

В трубке раздался незнакомый голос, глухой и напряженный:

– Говорит Квазар. Собаке нужен корм.

Фигня какая-то. Я подождал, что будет дальше. В трубке слышался шорох, похожий не то на шум волн, не то на гул в галерее игровых автоматов. Я молчал – чокнутым лучше не отвечать. Далее ничего не последовало. Словно на том конце тоже чего-то ждали. Я оказался терпеливее и, когда там дали отбой, повесил трубку, ничего не понимая. А, фиг с ним.

Я стоял спиной к двери. Она открылась. Звякнул колокольчик, и я подумал: «Нет, только не это! Рабочий день уже закончен!» Я обернулся и чуть не упал прямо на лимитированный бокс-сет Лестера Янга²¹ – пол почему-то качнулся под ногами.

Это ты! Стоишь и всматриваешься в сумрак моего уголка.

Она стояла передо мной. Она пришла одна. Она заговорила. Я часто прокручивал в воображении нашу встречу, но всегда первый шаг делал я. Я даже не понял, что она сказала. Она пришла!

– Вы еще работаете?

– ...Да!

– Как-то не похоже. Свет уже погашен.

– ...Да, ну, дело в том, что я собирался закрывать, но еще не закрылся, а пока я не закрылся, я работаю. Пожалуйста!

Я включил свет:

– Вот видите!

Надо говорить спокойнее. Выгляжу, наверное, как младшеклассник.

– Не хотелось бы задерживать вас. Вам, наверное, пора домой.

– Задерживать? Что вы, нисколько вы меня не задерживаете. Ничуть. Я к вашим услугам. Пожалуйста. Проходите.

– Спасибо.

«Я», живущее в ней, глядело глаза в глаза моему «я».

– Знаете... – начал было я.

– Понимаете... – начала она.

²⁰ Бенни Гудмен (1909–1986) – кларнетист и руководитель оркестра, «король свинга».

²¹ Лестер Янг (1909–1959) – тенор-саксофонист, кларнетист.

– Простите. Продолжайте, – сказали мы хором.

– Нет, продолжайте вы, – повторил я. – Вы дама.

– Вы подумаете, что я чокнутая. Я была здесь дней десять назад. – Она непроизвольно покачивалась на каблуках, – У вас играла музыка. Она не выходит у меня из головы. Форте-пьяно и саксофон. Я понимаю, вряд ли вы помните тот день, и ту музыку, и меня... – Она помолчала.

У нее необычная манера говорить. Может, из-за акцента, не знаю. Мне это очень нравится.

– Вы были здесь две недели назад. Точнее, две недели и еще два часа.

– Так вы меня помните? – обрадовалась она.

– Еще бы! – Я засмеялся и не узнал собственного смеха.

– Со мной была кузина с подружками. Они довольно противные. Считают меня дурой, потому что я наполовину китаянка. Мама у меня японка. А вот отец – китаец из Гонконга. Я живу в Гонконге, – сказала она с вызовом, это надо было понимать так: «Да, я не чистокровная японка и не скрываю этого, нравится это вам или нет».

Я вспомнил барабан Тони Уильямса в «Тишине»²². Точнее, даже не вспомнил, а почувствовал, глубоко внутри.

– Ну и что? Какая разница? Я сам наполовину филиппинец. А та мелодия называется «Одиночество». Ее написал Мэл Уолдрон. Хотите послушать?

– А можно?

– Конечно можно. Мэл Уолдрон – я на него просто молюсь. Готов встать на колени, когда слушаю. А Гонконг – он какой? Похож на Токио?

– Приезжие говорят, он грязный, шумный и противный. А по мне, так ничего лучше нет. На всем белом свете. Устанешь от Коулуна – можно сбежать на острова. На остров Лантау, например. Там на холме сидит большой такой Будда...

У меня вдруг возникло чувство, будто я персонаж из книги, которую кто-то сочиняет, но потом оно рассеялось.

* * *

Вишня отцветает. Молодые зеленые листочки, пока еще шелковистые и гибкие, сохнут на ветках. В воздухе дрожат мандолины и цитры. В потоке горожан не заметишь ни одного пальто. Иные даже без пиджаков. Что ни говори – эта весна уже не первой свежести.

Звонит телефон.

– Привет. Кто она?

Это Кодзи из студенческой столовой.

– О ком ты?

– Не валяй дурака! Ты прекрасно понимаешь, о ком я! Эта девушка, которая вчера у госпожи Накамори ловила каждое твое слово! Постой-постой, ее имя начинается на «Томо», а заканчивается на «ё». Точно-точно, Томоё!

– А, вот ты о ком...

– Ну, хватит! Я что, не видел, как вы переглядывались весь вечер?

– Тебе показалось.

– Нет, вы переглядывались! Все в баре заметили! И крот бы заметил! Ее отец заметил. Таро заметил. Потом подошел ко мне спросить – кто такая. Я-то надеялся у него что-нибудь

²² «In a Silent Way» (1969) – первый фьюжн-альбом Майлза Дэвиса; именно барабанщик Тони Уильямс (1945–1997) привлек к его записи гитариста Джона Маклафлина, прославившегося уже в 1970-е гг.

разузнать. Он велел допросить тебя с пристрастием. Сам знаешь, Таро долго ждать не любит. Так что давай колись.

– Да нечего мне рассказывать! Она заходила ко мне в магазин четыре недели назад. На прошлой неделе пришла опять. Мы поболтали, в основном о музыке. Потом встретились на неделе еще раз или два. Вот и все.

– Раз или семь, ты хочешь сказать.

– Ну ты и сам все понимаешь...

– Не вполне. Не успел с ней вчера перекинуться словечком. Не хочу показаться нескромным, но скажи, пожалуйста, под юбочку ты уже залез?

– Она порядочная девушка!

– Разве порядочная девушка – не женщина?

– Нет. Не залез.

– Да, ты всегда был тяжел на подъем, Сатору. Что тебе мешает?

– Что мешает...

Диву даюсь, сколько воспоминаний хранит моя память! Ее плечи. Мы бродим по улицам, укрывшись под одним зонтом, и я накидываю свою куртку ей на плечи. Ее рука в моей руке. В кинотеатре я весь сеанс держу ее за руку. Ее зажмуренные от смеха глаза. Уличный артист стоит неподвижно на пьедестале, но как только мы бросаем ему в ящик монетку, он оживает и принимает другую позу – до следующей монетки. А вот она пытается сдержать смех, глядя, как я катаю шары в боулинге, – полная катастрофа. Лежит на одеяле в парке Уэно, и лепестки сакуры падают нам на лица. Сидит на этом самом стуле в этом самом магазине и делает домашнее задание под мою любимую музыку. Вижу ее сосредоточенное лицо и прядь волос, которая почти касается тетради. Я помню, как поцеловал ее в шею в кабине лифта и как мы отпрянули друг от друга, когда внезапно открылась дверь. Помню, как она рассказывала мне про своих золотых рыбок, про маму, про Гонконг. Помню, как она заснула на моем плече вечером в автобусе. Помню, как она сидела напротив меня за столом. Я не сводил глаз с ее лица, а она рассказывала мне про древние племена, которые хоронили своих вождей в курганах на Токийской равнине. Помню взгляд, которым она смотрела на меня вечером у госпожи Накамори. Мы с Кодзи сыграли «Около полуночи»²³ так здорово, как никогда раньше. И еще сколько всего я помню!

– Не знаю, Кодзи, что мне мешает. Может быть, то, что ничего не мешает.

Так ли это? Сколько раз мы с ней в принципе могли зайти в дом свиданий. Конечно, я хотел ее. Но...

– Не знаю, Кодзи. Дело не в том, что я так уж робок с девушками. А в чем – не знаю.

Кодзи издает глубокомысленное сопение, как в тех редких случаях, когда ничего не может понять.

– Когда же я сподоблюсь увидеть ее опять?

– Возможно, никогда. – Я запнулся. – Она возвращается в Гонконг, в международную школу. В Токио она приезжает с отцом раз в два года на несколько недель. Повидать родственников. Нужно смотреть правде в глаза, Кодзи. Встреча маловероятна.

– Это чудовищно! Ужасно! – Кажется, Кодзи огорчен даже сильнее моего. – Когда она улетает?

Я смотрю на часы:

– Через полчаса.

– Сатору! Останови ее!

– Я думаю... ну, в смысле, что...

– Не думай! Действуй!

²³ «Round Midnight» (1944) – композиция Телониуса Монка, ставшая джазовым стандартом.

– Что ты предлагаешь? Похитить ее? Но она сама распоряжается своей жизнью. Она хочет поступить в университет в Гонконге, изучать археологию. Мы встретились, нам было хорошо вместе. Очень хорошо. А теперь пришла пора расставаться. В жизни такое случается сплошь и рядом. Можно писать письма. В конце концов, мы ж не влюблены так, что жить друг без друга не можем. Ничего подобного...

– Бип-бип!

– А это еще что?

– Извини, у меня тут лажеметр зашкалило.

Я откопал старый альбом Дюка Эллингтона. Он напоминает мне о допотопных граммофонах, дурацких усиках и довоенных голливудских мюзиклах. Обычно от него у меня поднимается настроение. «Сядь на поезд А»²⁴ – в этой композиции столько непрошибаемого оптимизма!

Я пялюсь в темную лужицу на дне чайной чашки и думаю о Томоё в пятидесятый раз за час.

Телефон. Скорее всего, это Томоё. Таки есть. В трубке слышен гул взлетающих самолетов и голос диктора.

– Здравствуй, Сатору!

– Привет.

– Я звоню из аэропорта.

– Слышу.

– Ужасно жаль, что вчера мы не смогли попрощаться по-человечески. Мне так хотелось поцеловать тебя.

– И мне. Но кругом было столько народу...

– Спасибо, что пригласил нас с папой к госпоже Накамори. Папа тоже благодарит. Он уже сто лет ни с кем так весело не болтал, как вчера с Мамой-сан и Таро.

– А о чем они говорили?

– О делах, наверное. У папы доля в одном ночном клубе. И концерт нам очень понравился.

– Да какой концерт! Просто мы с Кодзи.

– Вы оба прекрасно играете. Папа только о вас и говорит.

– Ну... Прекрасно играет только Кодзи. Благодаря ему и я звучу сносно. Он звонил двадцать минут назад. Надеюсь, мы не слишком липли друг к другу вчера в баре. Кодзи говорит, все что-то заметили.

– Пустяки, все в порядке. Слушай! Надо знать папину манеру выражаться намеками. В общем, он приглашает тебя приехать в отпуск! Говорит, что найдет бар, где ты сможешь играть на саксе. Если захочешь, конечно.

– Он знает? Про нас?

– Понятия не имею.

– Вообще-то Такэси до сих пор ни разу не давал мне отпуска. Точнее, я ни разу не просил...

– Скажи, сколько времени нужно заниматься, чтобы достичь такого уровня исполнения? – Она решает сменить тему.

– Да разве это уровень? Вот Колтрейн²⁵ – это уровень. погоди секунду!

²⁴ «Take the “A” Train» (1939) – композиция Билли Стрейхорна, записанная оркестром Дюка Эллингтона в 1941 г.; через три года появилась и версия с текстом, который сочинила Джойя Шеррил.

²⁵ Джон Колтрейн (1926–1967) – выдающийся саксофонист и композитор, реформатор джаза.

Я быстренько ставлю «Сентиментальное настроение»²⁶. Мирр и фимиам. Минутку слушаем вместе, как Джон Колтрейн играет вместе с Дюком Эллингтоном. Мне нужно ей так много сказать.

Вдруг в трубку врываются короткие гудки.

– Деньги кончились. А, вот еще монетка, – успевает крикнуть она. – Пока!

– Пока!

– Когда прилечу, я...

В трубке только шум.

В обеденное время заходит господин Фудзимото. Взглянув на меня, смеется.

– Добрый день, дорогой Сатору! – радостно возглашает он. – Погодка сегодня – загляденье! Что скажешь об этой красоте?

Положив на прилавок стопку книг, он с гордым видом приподнимает брови и слегка оттягивает свой галстук-бабочку. Совершенно нелепый: ярко-зеленый в горошек.

– Уникальная вещь! – откликаюсь я.

– И я так считаю! – Он расцветает от удовольствия. – Мы устроили на работе конкурс на самый безвкусный галстук. По-моему, я всех сделал!

– Как съездили в Киото?

– Киото есть Киото. Храмы и святилища. Встречи с типографистами. Надутые лавочки воображают, будто только им ведомо, что хорошо, что плохо. Слава богу, я дома. Родился токийцем – умрешь токийцем.

– Господин Фудзимото! – приступаю к заранее заготовленной речи, – Когда я рассказал Маме-сан, что вы любезно предложили мне помочь с устройством на работу, она велела передать вам и вашим коллегам вот это. Пригодится на вечеринке в честь цветения сакуры.

Я водружаю на прилавок огромную бутылку рисовой водки.

– Саке! – восклицает господин Фудзимото, – Вот уважил так уважил! Царский подарок! Мои коллеги его оценят, не сомневайся. Огромное спасибо.

– Нет, это вам спасибо за вашу заботу. Только, пожалуйста, извините и не обижайтесь на меня, я не могу принять ваше великодушное предложение, я слишком невежествен для такой работы.

– Ну что ты, какие там обиды. Я все понимаю, ей-богу. Я просто хотел на всякий случай... – Господин Фудзимото, сильно моргая, искал подходящее слово, не нашел и рассмехался. – Я нисколько не обижаюсь. Тебе просто не хочется стать таким, как я, верно?

Это соображение развеселило его, похоже, гораздо больше, чем меня.

– Мне не пристало судить о вас, – говорю я. – Но я был бы рад походить на вас. У вас замечательная работа. Невероятные галстуки. Отличный музыкальный вкус – вы прекрасно разбираетесь в джазе.

Улыбка вдруг сходит с его лица. Он переводит взгляд за окно.

– Вот последний цветок сакуры. На дереве он все время меняется, стремясь к совершенству. А достигнув его, опадает. Когда коснется земли – его неминуемо растопчут. Вот и получается, что абсолютно прекрасен он только то мгновение, пока находится в полете... Мне кажется, только мы, японцы, в состоянии понять это. Как ты думаешь?

По улице, тархтя, словно захмелевший «бэтмобиль», проплывает фургон, установленные на нем колонки голосят:

– Голосуйте за Синидзу! Только он знает, как победить коррупцию! Синидзу не подведет! Синидзу не подведет! Синидзу не подведет!

²⁶ «In a Sentimental Mood» (1935) – композиция Дюка Эллингтона. Совместная с Колтрейном версия была записана в 1962 г. для альбома «Duke Ellington and John Coltrane».

– Почему все происходит именно так, как происходит? – Господин Фудзимото шевелит ладонью в воздухе. – После газовой атаки в метро, насмотревшись репортажей по телевизору, я все пытаюсь понять... Почему вообще что-либо происходит? Какая сила удерживает мир и не дает ему рассыпаться в прах?

Я никогда не понимаю, когда господин Фудзимото спрашивает, а когда его вопросы – чистая риторика.

– А вы знаете?

– Не знаю. – Он пожимает плечами. – Честно, не знаю. Порой мне кажется, что это главный вопрос жизни, а все прочие – только его отrostки.

Он проводит рукой по редющим волосам.

– Как ты думаешь, может быть, ответ – любовь?

Я пытаюсь и не могу заставить себя думать – в уме мелькают разные картинки. То отец – человек, которого я считаю отцом, – глядит на меня через заднее стекло автомобиля. То мужчина в деловом костюме, который три или четыре года тому назад упал на тротуар с девятого этажа, когда я выходил из «Макдоналдса». Он лежал метрах в трех от меня. Рот приоткрыт, словно от удивления. Темная струйка изо рта растекалась на тротуаре между осколками зубов и стекла. Потом вдруг – брови Томоё, ее нос, ее шутки, ее акцент. Томоё сейчас летит в Гонконг.

– Тут нужна мудрость, господин Фудзимото. Я еще слишком молод, чтобы ответить на этот вопрос.

Улыбка возвращается на лицо господина Фудзимото, его глаза пропадают в морщинах.

– Это очень мудрый ответ, Сатору!

Он купил диск Джонни Хартмана с прекрасной версией «Пусть песня рвется из моей груди»²⁷ и попрощался.

Комар жужжит над ухом, как миксер на третьей скорости. Покрутив головой, прихлопываю мерзавца. Начался сезон комаров. Я как раз собираю его останки в бумажку, когда входит жена Такэси, с которой ему так и не удалось помириться. Она подняла солнцезащитные очки на макушку, и они утонули в густых прекрасных волосах. Ее сопровождает одетый с иголки господин – адвокат, сразу догадался я. Они оглядывают все вокруг. Когда устраивался на работу, я провел целый вечер у них с Такэси в Тиёде. Но сейчас она еле кивнула, словно не узнала меня. Адвокат, тот вообще не замечает моего присутствия.

– Помещение *он* арендует. – Жена Такэси произносит местоимение с особой горечью, как и подобает бывшей жене. – Но стоимость товара довольно высокая. По крайней мере, *он* всегда хвастал своим ассортиментом. Хотя, конечно, реальную прибыль приносят парикмахерские салоны. Этот магазинчик – всего лишь *его* хобби. Одно из многих, между прочим.

Адвокат молча слушает.

Они направляются к выходу. В дверях жена Такэси оборачивается и говорит:

– А тебе, Сатору, пусть это послужит уроком. Никогда не принимай важных решений, от которых зависит жизнь, под влиянием чувства! Того и гляди – подsunут тебе закладную на карточный домик! Попомни мои слова.

И выходит.

²⁷ Джонни Хартман (1923–1983) – джазовый певец, баритон, известный исполнитель баллад; в 1963 г. записал классический альбом дуэтов с Джоном Колтрейном. Песню Дюка Эллингтона, Ирвинга Миллса, Генри Немо и Джона Редмонда «I Let a Song Go out of My Heart» записал в 1947 г., но содержащий ее лонгплей «Just You, Just Me» вышел в 1956 г.

Я размышляю над ее словами, а сам слушаю Чета Бейкера. Труба рвется в никуда и хочет там остаться. А его голос – бормотание дзенского монаха в ласковой пустоте. *Моя смешная голубка, Ты не знаешь, что такое любовь, Я без тебя прекрасно поживаю*²⁸.

Телефонный звонок. Такэси вне себя. И снова пьян.

– Не впускай! – истерически орет он. – Ни за что не впускай эту бешеную корову!

– Кого?

– Ее! И чертова кровопийцу адвокатишку сраного! Который должен был представлять меня! Они ж намылились с серпом по мои яйца! Только не позволяй им рыться в дисках! Не показывай счета! Они не имеют права! Срочно спрячь лимитированный первопресс Армстронга! И золотой диск «Первого плавания»!²⁹ Засунь хоть в трусы, слышишь!

– Такэси!

– Что?

– Уже, Такэси.

– Что уже?!

– Они уже приходили. Пробыли несколько минут, адвокат просто осмотрел помещение, и все. Они не проверяли счета и ничего не пытались оценивать.

– Офигеть! Просто офигеть. Нет, ну какова, а! Это не женщина, это коровье бешенство на двух ногах! Правда, на каких ногах... – вздыхает он и вешает трубку.

Солнечные лучи ластятся и чуть не мурлычут. На стене слегка колышутся тени от веток и листьев. Вспомнилось, как много лет назад девушки Мамы-сан катали меня на лодке по озеру. Это одно из самых первых воспоминаний моего детства.

Забившись в свой угол, чувствуешь себя, конечно, безопасно, но порой так одиноко.

Что же мне делать? Я закатываю рукав рубашки и смотрю на предплечье. Томоё синей ручкой вчера нарисовала там змейку. Я спросил: почему змейку? А она рассмеялась, словно шутке, понятной только ей.

У меня в голове встретились две мысли.

Первая шепчет: мы не переспали друг с другом, потому что секс завершил бы начало наших отношений и положил начало их завершению.

Вторая настоятельно требует действовать.

Может, жена Такэси и права – нельзя принимать жизненно важные решения, руководствуясь только чувствами. Такэси, кстати, частенько говорит то же самое. «Наутро после блядок может выясниться, что они тебе не по карману», – любит он повторять. Да кто они такие, в конце концов, Такэси и его жена, чтобы учить жить других? Если не любовь, тогда что?

Я смотрю на часы. Пятнадцать ноль-ноль. Ее отделяют от меня тысячи километров и один часовой пояс. Позвоню – и оставлю Такэси деньги, чтобы не удивлялся, когда придет квитанция.

– Приветик! – откликается Томоё, словно я звоню из автомата за углом. – А я распаковываю чемоданы.

– Соскучилась?

– Капельку, совсем чуть-чуть!

²⁸ Чет Бейкер (1929–1988) – американский трубач, звезда кул-джаза, а также певец, мастер романтической баллады. «Моя смешная голубка» («My Funny Valentine», 1937) – песня Ричарда Роджерса и Лоренца Харта. «Ты не знаешь, что такое любовь» («You Don't Know what Love Is», 1941) – песня Джина де Пола и Дона Рэя. «Я без тебя прекрасно поживаю» («I Get Along without You Very Well», 1939) – песня Хоаги Кармайка. Были исполнены Бейкером в середине 1950-х гг. и собраны на пластинке «The Best of Chet Baker Sings» (1956).

²⁹ «Maiden Voyage» (1965) – концептуальный альбом пианиста и композитора Херби Хэнкока (р. 1940).

– Ну ты и врушка! Не сомневалась, что позвоню?

– Не сомневалась.

Я чувствую улыбку в ее голосе.

– Когда прилетаешь? – спрашивает она.

И мы с ней говорим, не можем наговориться: каким рейсом лучше лететь, куда пойдем в Гонконге, что она скажет отцу и как мне разумней распорядиться своими жалкими сбережениями. Так из своего угла я попадаю прямиком в рай.

Гонконг

Луна, луна среди бела дня...

Похоже, будильник законтачен с датчиком у меня в мозгу, который посылает сигнал руке, та послушно приподнимается и передает команду указательному пальцу, и он выключает будильник буквально за секунду до того, как эта зараза начнет трезвонить. И так каждое утро, каждое божье утро – не важно, сколько виски я принял накануне вечером и в котором часу добрался до постели.

Забыл.

Черт подери. Этот жуткий, кошмарный сон. Не могу припомнить подробностей. Да и не хочу, если честно. Облава на наш офис. Хью Ллуэллин ворвался вместе с начальником китайской полиции и командиром моего скаутского отряда (на его «вольво» я в детстве насрал, в прямом смысле слова). Все на роликах. Я тороплюсь стереть файлы, связанные со счетом 1390931, их почему-то оказалось ужасно много, и в спешке не могу правильно ввести пароль. К-А-Т-И-Ф-Р, нет, К-Т-И, нет, опять неправильно, и опять надо все заново. А они все ближе и ближе, поднимаются с этажа на этаж. От их шагов расплескался кофе, и чашки подпрыгивают в лужицах. Электрический вентилятор мерно шумит, и неоплаченные телефонные квитанции хлопают крыльями, как летучие мыши в сумерках... Окно открыто. Сорок дней и ночей подряд дует ужасный ветер. Мышь в обмороке, не реагирует на двойной щелчок. Может, что-то важное связано с этим сном? Забыл.

Сколько раз мне снились сны про компьютер? Хорошо бы вести дневник снов, но даже это обернется против меня в случае чего. Представляю, как репортеры опубликуют самые скандальные куски, а тюремные психологи будут обсуждать клубничку. Интересно, кому и когда впервые приснился компьютерный сон? Еще интереснее, снятся ли компьютерам сны про людей?

Ох уж этот Ллуэллин в роговых очках. Я встретил его вчера – и вот нате, сукин сын уже проник в мое подсознание.

Минутная стрелка снова сигналит. Секундная стрелка крутится и крутится, сматывая мгновения моей жизни, как сматывают на катушку веревочку воздушного змея, когда пора идти домой. Черт. Времени в обрез – начал расходовать утренний лимит. По утрам чувствую себя таким же разбитым, как вечером. Разбитый, как пасхальное яйцо. Вот-вот скорлупа посыплется. И похоже, опять начинается простуда, серьезно. А все этот Гон-хренов-Конг. Вечно хожу распаренный, как печеное яблоко. Кстати, сейчас Пасха. Ну давай, Нил, давай. Прими поскорее душ. Горячий душ творит чудеса. Херня. Немного порошочка сотворило бы чудо, но не осталось ни крупинки.

За волосы вытаскиваю себя из кровати. Ногами плюхаюсь в тарелку с вафлями. Дерьмо! Сегодня придет горничная. Надеюсь, приберет тут. По крайней мере, когда вернусь, в доме будет еда. Конечно, китайская, но все же лучше, чем опять вафли, брр.

Тащусь в гостиную. На автоответчике – сообщение. Слава богу, додумался включить немой режим перед тем, как залечь, а то бы шиш поспал. Заваливаюсь на диван с телефоном и нажимаю кнопку «прослушать».

«Проснись и пой, Нил! Это Аврил. Спасибо, что смылся вечером. Не забудь, на 9.30 у тебя назначена встреча с адвокатами господина Вае, а Тео хотел заранее ознакомиться с отчетом, так что тебе лучше прийти не позже 8.45. Пей скорее свой кофе. До скорого».

Аврил. Красивое имя у этой глупой шлюшки.

Не очень-то расслабляйся, Нил. Раз, два, три, встали! Говорят тебе – «встали». Марш на кухню. Кофеварка. Выбросить старый фильтр. Мусорное ведро переполнено. Чертова горничная. Ладно и так. Вставим новый. Банка с кофе. Насыпать побольше, к черту ваши реко-

мендации, премного благодарен за науку. Включить кофеварку. Густой, крепкий напиток – для тебя, старина Нил, для тебя, дружок. То, что надо. Совсем забыл – еще есть холодильник. Открыть. Половинка лимона, три бутылки джина, пакет молока – срок годности истек месяц назад, банка засохших бобов и... вафли. Слава Тебе, Боже, Ты все же есть на небесах – у меня остались вафли. Вафли в тостер. Теперь двигай в спальню, Нил. Белые рубашки в шкафу, все эти шкуры белого дьявола, она вешает их туда каждое воскресенье. Ну, я ей задам, если опять повесила мимо плечиков. Надо быть внимательнее.

Нет, все в порядке. Висят ровными рядами. Трусы и брюки с вечера валяются на стуле. Дешевый стул из гнутых трубок. Жалко кресла времен королевы Анны³⁰. Из всех вещей в этой квартире оно одно было старше меня. Ушло вслед за Кати. Давай, Нил, одевайся – брюки, рубашка, пиджак. Чего-то не хватает. Ремень. Черт подери, где ремень? Отлично. Очень забавно. Где ремень, черт подери?

Из гостиной послышалось жужжание – включился кондиционер. Сейчас иду в гостиную. Ремень будет на спинке дивана. А если нет – ну не знаю, что сделаю. Взорвусь!

Иду в гостиную. Ремень висит на спинке дивана. Ну вот и прекрасно, черт подери.

Молодец. Оделся, а душ не принял. От меня за версту воняет, а тут назначена встреча с этими, как их там, с шишками из Тайваньского консорциума.

– Ты кретин, Нил, – говорю я вслух.

Никто не возражает.

Почему-то когда ты себя называешь кретином, никто не возражает. Душ сожрет остаток утреннего лимита. Пока не отработаю распорядок – распорядок! – утренних процедур до автоматизма, вечно буду опаздывать на паром и выдумывать уважительные причины.

Выключаю кондиционер.

– Сейчас только май, черт тебя подери. Хочешь меня заморозить до смерти, да? С кем ты тогда будешь дурака валять, скажи?

В ванной обнаруживаю, что *она* опять развлекалась с жидким мылом. Кати всегда покупала жидкое мыло во флаконах с пульверизатором. И горничная тоже. И все было хорошо, пока *она* не обнаружила, как весело – брызгаться из пульверизатора. Лепехи мыла повсюду – на стенах, на раковине, на полу в душевой кабинке, на вешалке, там – ну да, как раз там, – куда я только что повесил рубашку. Везде эти мерзкие пятна, похожие на брызги засохшей спермы.

Прекрасная забава, черт подери. Вытереть, что ли, эту срань?

Странно, что горничная никогда не прикасается к гигиеническим принадлежностям, оставшимся после Кати. словно это мое имущество. Интересно, почему я до сих пор не избавился от женского барахла. В шкафу лежит упаковка тампонов. Две упаковки. С двумя капельками и с тремя. Горничная ни разу не взяла ни одного. Не понимаю почему. Может, это одна из китайских причуд – не пользоваться тампонами. Ведь не надевают же они памперсов на младенцев, и те кладут прямо в трусы, где угодно и когда угодно. Но при всем при том горничная пользуется тальками, увлажняющим кремом, пеной для ванны – очень охотно, без зазрения совести. И почему она, собственно, должна испытывать угрызения совести по этому поводу, если не испытывает по другим?

Сую голову под душ. Намочить, шампунь, втереть, взбить пену, смыть, восстановить, все пальцы в мыле, смыть, вытереть. На все две минуты. Помылся – и хорошо, а о расплате подумаю потом.

Досуха вытираюсь, втягиваю живот. Но в последнее время это мало помогает. Нил, когда у тебя начала расти эта хреновина? По идее, от постоянного стресса я должен терять в весе. Не сомневаюсь, что и теряю, но из-за диеты из вафель, фруктовых пастилок, сигарет

³⁰ Стиль мебели времен правления Анны Стюарт (начало XVIII в.).

и виски набираю больше, чем теряю от стресса. Пузо как у беременной. Тьфу! Меня даже передернуло от отвращения. Интересно, если бы Кати удалось забеременеть, изменилось бы что-нибудь или нет? Завязал бы я тогда, пока еще мог? Или только стал бы еще больше мучиться? Если только можно мучиться еще больше и... не умереть. Не знаю.

Запахло горелым. Черт! Утюг!

Да нет же, я не включал утюг. Пахнет горелыми вафлями. Черт, черт, еще раз черт. Завтрак пропал к чертовой матери. Можешь уже не спешить, Нил, у этих вафель нет никакой надежды на спасение. Они зашли слишком далеко, они уже не вафли. Когда вафля перестает быть вафлей? Когда она превращается в кусочек угля, черт бы его побрал. Придется для питательности насыпать побольше сахара в кофе, другого выхода не вижу. Жидкий завтрак. Очень жидкий. Из-под двери показалась темная струйка. Кровь, что ли? Чья кровь? Ее? В этой квартире всего можно ожидать, больше я ничему не удивлюсь. Нет, жидкость темно-коричневая. Дьявол! Я же сунул в кофеварку новый фильтр, не вынув старый, а мы ведь знаем, что бывает в таких случаях, правда, старина Нил?

Бегом на кухню. Отключить кофеварку, отключить тостер, отключить эту головную боль. Не угодно ли стакан чистой воды на завтрак, Нил? Почему «спасибо, не стоит»? В чем проблема, Нил? Ах, нет чистых стаканов. Ну что ж, тогда бутылку чистой воды. Превосходно. Приятного аппетита, Нил. Окидываю взором свои кухонные владения. Видок – будто Кит Мун похозяинничал здесь месяц. Хотя нет, Кит Мун против меня – чистюля³¹. Извини, дорогая, приберу потом. Да приберу, приберу, ты же прекрасно знаешь.

Надевай галстук, Нил, и бегом на работу. Этим узкоглазым толстосумам и так придется тебя ждать, нельзя испытывать их терпение. Сумасшедшее утро. Даже в окно не успел взглянуть – что за погода. Читаю прогноз на пейджере: облачно, без осадков. Значит, зонтик не понадобится. Непогода по-азиатски. Картинка так и стоит перед глазами: голые холмы, туман, сонное море.

Радио оставляю включенным – для *нее*, как, бывало, моя мама – для собаки. Из спальни слышны новости по-китайски, на кантонском диалекте. Не знаю, как *она* к ним относится – иногда слушает, иногда выключает, иногда ловит другую волну.

– Будь умницей, веди себя хорошо, – говорю, завязывая шнурки на ботинках.

Беру кейс и свою связку ключей.

Кати обычно отвечала:

– Слушаюсь и повинуюсь, мой охотник-добытчик.

Эта никогда не отвечает.

Выхожу наконец. Ну все, вышел.

Лифт как раз идет вниз. Слава богу. А то опоздал бы на автобус к парому. Двери открываются. Втискиваюсь внутрь, со всех сторон меня сжимают мужские тела. Кто желтоватый, кто розовато-серый, но все мы принадлежим к одному племени. Обитатели одной резервации финансового благополучия – а иначе нам было б не по карману это жилье. В лифте пахнет пиджаками, лосьоном после бритья, кожаными ремнями, гелем для волос и еще чем-то затхлым. Может, застоявшимся тестостероном. Все молчат. Похоже, не дышат. Я поворачиваюсь так, чтобы мой член не упирался в член другого добытчика, и в поле зрения попадает дверь моей квартиры с номером 144.

– Нехороший номер, – сказала когда-то госпожа Фэн. – Дело в том, что «четыре» по-китайски произносится так же, как «смерть».

– Нельзя же всю жизнь только и делать, что избегать цифры «четыре», – возразила ей Кати.

³¹ Кит Мун (1946–1978) – барабанщик английской группы *The Who*, своего рода эталон деструктивного стиля жизни.

– Допустим. – Госпожа Фэн прикрыла свои печальные глаза. – Есть еще одна проблема.
– Какая же? – спросила Кати, улыбаясь мне краешком рта.
– Лифт, – ответила госпожа Фэн, открыв свои пронизательные глаза.
– Надеюсь, вы не имеете в виду, что лифта тоже надо избегать! У нас четырнадцатый этаж! – сказал я.
– Нет. Но лифт находится как раз напротив вашей квартиры!
– И что? – Кати больше не улыбалась.
– Двери лифта – это пасть! Она пожирает удачу. Удача не переступит порога этой квартиры.

Я взглянул наверх – и увидел себя в окружении сонма моих же неподвижных голов, взирающих на меня вниз сквозь закопченное стекло. Вроде как повстречался с собственным привидением.

– К тому же вы находитесь на острове Лантау, – добавила она, словно вспомнив еще об одном важном обстоятельстве.

– А чем плох остров Лантау? Это единственное место в Гонконге, где можно поверить, что мир когда-то был прекрасен.

– Мы не любим это место. Слишком оно северное. И слишком восточное.

Дзинь, звякает звонок. Дзинь, дзинь. Второй этаж. Первый. Слава богу, автобус еще не ушел. Мы дружно бросаемся через дорогу и штурмуем его. У меня в голове крутится музыка из «Джеймса Бонда». Вспомнилось, как мальчишками, играя в войну, мы погружались на какбудтошний бронетранспортер.

Автобус переполнен – место есть только наверху, и то стоячее. Ничего не имею против. Это мне напоминает час пик на старой доброй кольцевой линии в старой доброй Англии. Сейчас как раз начинается сезон крикета. За что я люблю автобус – за то, что с момента, когда садишься в него, и до момента, когда переступаешь порог офиса, от тебя ничего не зависит. Ничего не нужно решать. Превращаешься в зомби.

И тут у какого-то придурка звонит мобильный телефон. Чуть не дырявит барабанные перепонки. Невыносимо! Да ответит он или нет? Давай же отвечай, глухой придурок! И чего это все уставились на меня?

Ах да, это мой телефон. Когда эти штуки только-только появились, сначала всем казалось – ура, супер, до чего удобно! Потом спохватились, поняли – удобно, как электронный ошейник у заключенных, склонных к побегу. Спохватились, да поздно.

Вынимаю телефон, включаю – останавливаю волну, которая прошла через пространство и завершает свой путь у меня в ухе.

– Алло, Броуз слушает.

Вот, теперь самый последний кретин в этом автобусе знает, что моя фамилия – Броуз.

– Нил, это я, Аврил.

Ясно, что Аврил. Кто ж еще? Похоже, она даже ночует в офисе. Она вовсю трудилась над отчетом для тайваньцев вчера вечером, когда я уходил совершенно без сил. Без сил – как сегодня утром, как всегда. В компании «Жардин-Перл» пашет целая армия адвокатов. А в «Кавендиш» – раз, два, и обчелся: только я, да Аврил, да Мин, который даже договор на аренду квартиры – моей квартиры – толком составить не смог. Китайцы – это уже плохо, агенты по недвижимости – еще хуже, но китайские агенты по недвижимости – эти ребята явно служат дьяволу. Может, они и юристы, но денежки они гребут определенно на *той* службе! Этот долбаный отчет для тайваньцев! Вдобавок ко всем моим неприятностям я должен еще разбираться в этом лабиринте цифр, мелких букв, подвохов. В принципе хорошо, что Аврил занимается этим дерьмом, но иногда она так достает. Ее прислали из Лондона в январе, поэтому она от усердия землю носом роет. Совсем как я три года назад.

– Хорошо выспался, Нил?

– Плохо.

Аврил хочет доконать меня и выжать извинение за то, что рано ушел вчера. Точнее, уже сегодня. В час ночи. Рано, кто ж спорит. Но могла бы уже уgomониться, черт возьми.

– Я насчет папки с материалами по Микки Квану.

– А что с ней?

– Не могу ее найти.

– А!

– Так где же она? Ты смотрел ее вчера поздно вечером. Перед уходом.

Пошла к черту, Аврил.

– Я смотрел ее вчера рано вечером. За шесть часов до ухода.

– Но ее нет у тебя на столе. И в кабинете у Гилана тоже нет. Значит, она может быть только у тебя в шкафу. Лично я не касалась ее со вчерашнего утра. Может, ты... Может, она куда-нибудь задевалась? Завалилась опять? Может, в ящике твоего стола?

– Аврил, я на острове Лантау, в автобусе. Отсюда не видно моего стола.

Сквозь толщу пиджаков, галстуков, тел, ушей, которые притворяются, что не слушают, до меня доносится смешок. Хихикает, идиот. А может, кто-то просто чихнул.

Аврил – это экспериментальный образец ходячего здравого смысла: чувство юмора отсутствует напрочь. Надо ей дать прозвище Спок³².

– Я не всегда улавливаю, Нил, что ты хочешь сказать. Я понимаю, что тебе сейчас не видно твоего стола. Прекрасно понимаю. На всякий случай напоминаю, если ты опять забыл: Хорас Чен и Тео хотят ознакомиться с отчетом по делу Вае через пятьдесят две минуты. Уже через пятьдесят одну. Тебя нет на месте, потому что ты на острове Ланто, в автобусе. Ты появишься не раньше чем через тридцать восемь минут. Даже через сорок одну минуту, если ты не позавтракал и заскочишь за пирожками. Господин Чен всегда приходит на десять минут раньше. Значит, к тому моменту, когда ты войдешь в кабинет, упомянутый отчет должен быть полностью закончен, и это придется сделать мне. Для этого мне нужна папка с материалами по Микки Квану, вот я ее и разыскиваю.

Я вздохнул. Постарался придумать что-нибудь уничтожающее в ответ, но силы меня покинули. Простуды замучили, никак не отвяжутся. Надо с ними что-то делать.

– Ты все правильно говоришь, Аврил. Но честно, искренно, клятвенно, дико заверяю, что не знаю, где эта папка.

Автобус виляет туда-сюда. За окном промелькнули теннисные корты, международная школа, берег залива. Рыбацкая джонка в тепловатой белесой азиатской воде.

– Нил, у тебя ведь сохранилась копия на винчестере?

Тут я встрепенулся:

– Да, но!..

– Тогда я зайду в твой компьютер и распечатаю файл еще раз. Там же не больше двадцати страниц, да? Скажи мне свой пароль.

– Боюсь, что не могу этого сделать, Аврил.

Молчание. Аврил думает.

– Боюсь, что тебе придется, Нил.

Мне вспомнилось, как свежевали зайца – где-то я это видел. Ножом вспороли шкуру, вывернули наизнанку по всей длине, от заячьих зубов до заячьего пениса. Только что был заяц как заяц, как бы заснувший, и вот уже – вытянутая окровавленная тушка.

– Но...

– Слушай, Нил, если ты скачал картинки со шведских садистских порносайтов, это останется между нами, клянусь.

³² Споком звали помощника капитана Кирка в телесериале «Звездный путь» (1966–1969).

Как бы тихо я ни говорил, все равно человек десять услышат.

– Я не могу сказать тебе пароль. Это нарушение конфиденциальности.

– Нил, ты, наверное, не въезжаешь... То есть наверняка не въезжаешь. Иначе б не ушел вчера так рано домой. Мы рискуем потерять этот договор. Он стоит восемьдесят два миллиона. Голландцы и Ситибанк каждую ночь поют Вае серенады под балконом. И поют они слаще нас. Без ресурсов Микки Квана мы не сможем компенсировать потери в Бангкоке и Токио, и тогда наша песенка спета. Ну и конечно, мистер Кавендиш точно будет знать, кто виноват: я не хочу, чтоб собак вешали на меня. Ты, может, и рад будешь провести остаток жизни, заведя «Макдоналдсом» в Бирмингеме, но я хочу от жизни чуточку больше. Быстро говори пароль! В конце концов, поменяешь его, когда придешь на работу. Твоя конфиденциальность будет нарушена всего сорок девять минут! Ну, давай! Если ты не доверяешь мне, то кому ты вообще доверяешь?

Да господину Никому, вот кому я доверяю, черт возьми. Я натянул пиджак на голову и засунул телефон под мышку. Квазимодо Броуз, да и только.

– К-А-Т-И-Ф-О-Р-Б-С, – прошептал я. Главное, удержаться и не попросить ее не совать нос, куда не следует; тогда уж точно сунет. – Теперь ты счастлива?

Нужно отдать Аврил должное, она не стала издеваться. Лучше бы стала. Неужели я докатился до того, что вызываю у людей только жалость?

– Принято. Встретимся в кабинете у Тео. Не бойся, я никого не подпущу к твоему компьютеру.

Автобус подъехал к порту. Как всегда, в бухте Дискавери турбопаром готовится к отправке. Но можно не спешить: раздался только первый гудок. Второй гудок через минуту. Третий – через две. Паром отправится через три минуты, а от автобуса до парома хватит шестидесяти секунд, если проездной в кармане. А он у всех в кармане. Времени еще целый вагон. «Тойота-лэндкрузер» за это время успеет подъехать. Двери автобуса с шипением открываются, и толпа вываливается наружу. Пассажиры выпрыгивают один за другим, автобус покачивается в такт.

Может, *она* здесь, рядом? Касается моей руки? Почему я всегда думаю, что *она* весь день сидит дома? Гораздо логичнее предположить, что *она* гуляет, бродит по окрестностям. *Она* же не любит одиночества.

Прекрати, Нил. Это твоя квартира, твой «домашний очаг». Ты возвращаешься туда, потому что тебе больше негде жить. Не тащи *ее* за собой на остров Гонконг. Может, *она* не может передвигаться по воде. Вот именно, китайцы придерживаются такого мнения. *Они* не умеют летать по воздуху – поэтому в святых местах видны следы. И передвигаться по воде тоже не могут. А вдруг могут?

Двадцать шагов до билетного контроля. Надеюсь, утренний кризис идет на убыль. Настоящий криминал надежно упрятан среди многочисленных файлов на моем жестком диске, и вероятность, что Аврил случайно наткнется на него, очень мала, а искать у нее времени нет. Да и мотивов тоже. К тому же она слишком тупа. По мере того как приходно-расходные операции по счету 1390931 становятся все запутаннее, мои меры предосторожности становятся все изощреннее, а вранье все менее правдоподобным, так что один прокол потянет за собой другой. Правда заключается в том, что подпевалы Денхольма Кавендиша не желают знать правды, которую может унюхать даже человек, чьи умственные способности подпорчены Итоном. Не волнуйся, Нил. Аврил просто распечатает свой бесценный файл, и все. Гилан заварит кофе, густой, как битум, – хоть трещины в асфальте заделывай. Я навешаю Тео на уши лапшу про чересчур рьяных аудиторов, и, как все начальники, он с важным видом задаст несколько примитивнейших вопросов. Затем Тео навешает службе аудита лапшу про капиталы, размещенные в японских банках, в двойных хедж-фондах. Они наступят Джиму Хершу. Тот навешает лапшу хозяину Ллуэллина – дескать, холдинговая компа-

ния «Кавендиш» невинна, как овечка, и грязные слухи, которые распространяются – будем откровенны, старина, этими китайцами, – лишены всяких оснований, и не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, под чью дудку сейчас пляшет Гонконгская народная полиция, не так ли, дружище? И скоро мы получим наши шестизначные премии, из которых пятизначная сумма уже потрачена, а оставшееся в течение ближайших восемнадцати месяцев материализуется в виде автомобилей, вещей, развлечений. Ты снова сделал это, Нил. Прошел по краю. Девять жизней? Скорее, нахер, девятьсот девяносто девять.

Все в порядке, Нил. Второй гудок. Остается 60 секунд.

Нил, почему же ты не садишься на паром?

Такое чувство, будто вот-вот стошнит, и начинаешь перебирать в уме – что съел.

Но я вообще ничего не ел.

В чем же дело? Может, *она* принуждает меня остаться? Удерживает за руку?

Нет. *Она* здесь ни при чем. Я прекрасно чувствую, когда *она* рядом. Сейчас *ее* здесь нет. К тому же *она* меня ни к чему не может принуждать. Решаю я. Я хозяин положения. Таковы правила игры.

И вообще, есть кое-что поважнее, чем *она*.

Вчера вечером мы с Аврил готовили отчет для господина Вае, магната-судовладельца. От чертова компьютера у меня болели глаза, живот сводило от голода – один сэндвич за весь день. Около полуночи у меня начала кружиться голова. Я вышел в кафе, что через дорогу от башни «Кавендиш», и заказал самые большие дерьмобургеры, какие они только делают, целых две штуки, и положил в кофе десять кусков сахара. Я смаковал каждый глоток, и моя кровь затрубила, как архангел Гавриил, когда сахар проник в нее. Что-то сверхъестественное.

Я смотрел, как за стеклом по ночной улице движется поток машин, людей, чужих историй. Кругом, куда ни кинь взгляд, зажигались и гасли неоновые буквы. Играла музыка, старый хит Лайонела Ричи про слепую девочку³³. Очень жалостливый. Когда-то я расстался с невинностью под аккомпанемент этой песни, задыхаясь под грудой курток, на вечеринке у приятеля в Телфорде. Не понимаю, какого черта я делал в Телфорде. Не понимаю, какого черта вообще делают в Телфорде.

Тут вошел этот парнишка со своей девушкой. Он заказал гамбургер и колу, она – ванильный коктейль. Он взял поднос, поискал свободный столик – их не было – и встретился взглядом со мной. Он подошел и на плохом английском спросил, нельзя ли подсесть ко мне. Он не был китайцем. Китаёзы скорее умрут, чем сядут за один столик с нашим братом. Или плюхнутся, не спросив разрешения, словно ты пустое место. Одно из двух. Я кивнул, стряхнув пепел с сигареты. Он очень вежливо поблагодарил меня по-английски. «Супасибо барисоё», – сказал он.

Девушка точно была китайкой, готов поклясться, но разговаривали они по-японски. У парня был футляр с саксофоном и маленький рюкзак, на котором еще болталась бирка авиакомпаний. Они, похоже, едва-едва школу закончили. Ему не помешало бы как следует выспаться. Они не обнимались и не лизались, как принято у китайской молодежи в наши дни. Просто держали друг друга за руку через столик. Я, конечно, не понимал, о чем они говорят, но, по-моему, они строили планы на будущее. У них был такой счастливый вид. И воздух между ними так раскалился, что я подумал – они еще не спали друг с другом. Не было этой ленцы, выражения самоуверенной собственности, которое появляется после первых нескольких раз.

Если бы в этот момент из заляпанной бутылки с кетчупом вылез Мефистофель и сказал: «Нил, если я превращу тебя в этого парнишку, согласишься отдать душу дьяволу на

³³ Имеется в виду песня «Hello» с альбома Лайонела Ричи «Can't Slow Down» (1983), большой хит 1984 г.

веки веков?» – я бы ответил, не задумываясь: «Забирай, нахер, скорее». Японский он там парнишка или нет.

Я посмотрел на свой «ролекс»: четверть первого ночи. Что за жизнь.

Я ошибся насчет неба. Оно не белесое, нет. Если присмотреться – скорее цвета слоновой кости. А над вершинами гор, жемчужными от солнца, видно сияние.

И море не пустое. Там, вдали возвышаются острова. На горизонте, справа.

Как четыре росчерка кисти на новом свитке, который висит в комнате госпожи Фэн, четырьмя этажами выше нас.

Так-так. Нил, позволь напомнить тебе кое-что. На твоей кредитной карте значится сумма, которой позавидовал бы сам Билл Тейте. Твой развод будет стоить тебе почти всех денег, которые ты считаешь своими. Юристы, замаскированные в таких делишках, как ты, никогда не опаздывают на встречи с господином Вае. Тайваньские магнаты-судовладельцы завтракают с политиками столь влиятельными, что по мановению их руки небоскребы могут тронуться с места.

Десять секунд до третьего гудка! Размышляй над своими жизненными проблемами во время обеденного перерыва – ха, когда это у меня в последний раз был обеденный перерыв, – не важно, когда угодно, но только не сейчас. А сейчас немедленно, сию секунду, прыгай на этот чертов паром. Больше повторять не буду.

От магазина галопом бежит человек. Энди Как-его-там. Помню его в лицо с тех времен, когда посещал поло-клуб на острове Лантау. На этом чертовом острове не найдешь ни одного чертова пони. Галстук от Ральфа Лорена развеивается на ветру, как змея, шнурки на ботинках развязались. Да, Энди Как-тебя-там, ты должен сейчас в оба смотреть под ноги – того и гляди свалишься и лоб разобьешь, а Джилл слетит с горки³⁴.

– Задержите паром! Погодите!

Ба! Прямо Лоуренс Оливье³⁵, а не Энди Как-его-там.

Неужели вот так и она смотрит на меня? Равнодушно, с примесью насмешки?

Китаец-дежурный возле турникета – наверное, сводный кузен брата-близнеца водителя автобуса – нажимает на кнопку и запирает турникет. Энди Как-его-там завершает свой полет, хватается за преграду и, с трудом удержавшись, чтобы не завывать, как обезумевший арестант за решеткой, умоляет:

– Пожалуйста!

Китаец-дежурный едва заметно кивает на табло «Паром отбывает».

– Пожалуйста, пропустите меня!

Дежурный качает головой и уходит в свою будку пить кофе.

Энди Как-его-там тихо мычит, нашаривает в кармане мобильный телефон, роняет его. Поднимает и, удаляясь прочь, разговаривает с неким Ларри, что-то сочиняет на ходу, при-
творно смеется.

Паром отчаливает от пристани, расстояние от берега до него быстро увеличивается.

Иногда я перестаю тебя понимать, Нил.

* * *

Кати настояла на том, чтобы я не провожал ее в аэропорт. Ее самолет улетал днем в одну из самых сумасшедших пятниц. От моего рабочего стола осталось узкое ущелье между двумя готовыми вот-вот рухнуть горами срочных контрактов. Поэтому в тот день мы

³⁴ Аллюзия на известный английский детский стишок.

³⁵ Лоуренс Оливье (1907–1989) – английский актер, прославился ролями шекспировского репертуара.

пораньше выехали из дома и позавтракали в кафе на пристани у парома. Да, в том самом кафе, вон там. Где сейчас у окна сидит Энди Как-его-там – он поставил на столик ноутбук и стучит по клавишам с таким остервенением, будто пытается успеть предотвратить ядерную войну. Надо же, он и не подозревает, что сидит за тем самым столиком, за которым мы с Кати прощались навсегда.

Прощались навсегда – как звучит. На самом-то деле прощание Нила Броуза и Кати Форбс мало походило на высокую драму. Нам нечего было сказать, а может, слишком много нужно было сказать друг другу, но после стольких ночей молчанки вдруг оказалось, что наше время истекло. Я плохо помню, о чем мы говорили. Кажется, о планировке аэропортов, о том, чтобы не забывал поливать растения, о том, что Кати скоро снова увидит Лондон. Было такое ощущение, словно мы познакомились накануне вечером, провели ночь в отеле и впервые проснулись рядом друг с другом. На самом деле мы не занимались сексом уже пять месяцев, а не с тех пор, как все стало ясным.

Черт подери, это было ужасно. Кати уходила от меня.

Гораздо лучше я помню, о чем мы не говорили. Мы не говорили о госпоже Фэн. Мы не говорили о *ней*. Мы не говорили о том, по чьей вине – черт, неужели, страдая бесплодием, люди за тысячи лет не придумали лучшего слова, чем «вина», – у нас ничего не получается. Кати всегда отличалась добротой. О возможности лечения, клиниках, усыновлении, обо всех этих полумерах мы не говорили вообще никогда – нас они не устраивали. Если сама природа, будь она проклята, не хочет сделать свое дело, значит, не нам ее подменять, черт подери. Мы не говорили о разводе, потому что он нависал над нами, как эта гора. И о любви мы не говорили. Вот что досаднее всего. Я ждал, что Кати заговорит первая. Она, наверное, ждала, что я. А может, просто наше время истекло и эти слова перешли по наследству к романтическим несмысленным, родившимся лет на семь-восемь позже нас. К парнишкам вроде того, которого я видел вчера в кафе. Теперь любовь существует для них. Не для нас, старых перечников за тридцать. Забыть о любви.

Раздался гудок парома. Я стоял на мостовой, как раз на этой розовой плите, где стою сейчас. Я хорошо запомнил ее – хожу мимо каждый день. Я подумал, что на прощание надо бы ее обнять. Может, даже поцеловать.

– Тебе пора на паром, – сказала она.

Ну что ж, раз ей так угодно.

– До свидания, – ответил я. – Приятно было побыть твоим мужем.

В тот же миг я пожалел о сказанном. И до сих пор жалею. Эти слова прозвучали как эффектный удар напоследок. Она повернулась и пошла прочь. Я иногда думаю – если бы догнал ее, что тогда? Жизнь началась бы заново или я получил бы затрещину? Теперь я этого не узнаю. Послушный зову гудка, я пошел на паром. К стыду своему, я не оглянулся, когда паром отчалил, поэтому не знаю, махала ли она вслед. Зная характер Кати, думаю, что вряд ли. Как бы то ни было, через сорок пять секунд я уже забыл про нее. Все мое внимание приковали десять строк мелким шрифтом на пятой странице «Саут Чайна бизнес ньюс». Новый американо-британо-китайский следственный орган под названием «Инспекция по перемещению капиталов» произвел обыски в офисах торговой компании «Шелковый путь». Эта компания неизвестна в широких кругах, но мне-то она известна очень хорошо. Я, лично я, следуя полученным инструкциям, перевел на счет компании «Шелковый путь» 115 миллионов долларов со счета 1390931 не далее как в прошлую пятницу.

Черт подери...

Вокруг ни души.

Дорога от пристани до припортовой деревни проходит мимо поло-клуба. Флаги над ним сегодня уныло повисли. За клубом дорога превращается в тропинку. Тропинка обры-

вается у пляжа – впадает в дорожку, которая вьется вдоль берега. Я никогда не ходил этим путем, поэтому понятия не имею, куда он приведет. Рыбак натруженными руками вытягивает сеть, он оборачивается, и наши взгляды на секунду скрещиваются. Подписывая договора краткосрочного найма жилья, я совсем забыл, что есть люди, которые живут на этом чертовом острове всю жизнь, от рождения и до смерти.

По выходным отец брал меня с собой на рыбалку. На мрачноватое озеро, затерянное в Сноудонии. Папа работал электриком. Это настоящая работа, честный труд. Ты прокладываешь проводку, устанавливаешь людям распределительные щитки, чтобы у них был свет, делаешь настоящий ремонт вместо их самодельного тяп-ляп, чтобы они не спалили свои дома. Папа – ходячий кладезь расхожей мудрости. «Дай человеку рыбу, Нил, и ты накормишь его на один день. Научи его ловить рыбу – и ты накормишь его на всю жизнь». Мы сидели на берегу озера, когда я сказал ему, что собираюсь в Политехнический, изучать финансы. Он кивнул, сказал: «Со временем можно будет получить хорошую работу в банке» – и отвел взгляд. Наверное, тогда я и ступил на этот путь, который привел меня сюда. Последний раз мы с отцом ездили на рыбалку в тот день, когда я сообщил ему, что получил назначение в гонконгский филиал компании Кавендиша. С жалованьем втрое больше, чем у моего бывшего школьного директора. «Здорово, Нил, – сказал отец. – Мама лопнет от гордости». Я ждал от него более бурной реакции. Он к тому времени постарел, вышел на пенсию.

Честно говоря, рыбачить мне было скучно. Лучше бы посмотрел футбик по ящику. Но мама настаивала, чтобы я ездил с отцом, и теперь я рад, что слушался ее. Даже сейчас при слове «Уэльс» чувствую во рту вкус сэндвичей с тунцом и яйцом, некрепкого чая с молоком и вижу отца, как он пристально вглядывается в темную воду озера, окруженного холодными горами.

В *ее* появлении было что-то общее с жужжанием холодильника. Когда ты осознаешь этот звук, оказывается, что исподволь успел к нему привыкнуть. Я не припомню, как долго, возвращаясь домой, мы обнаруживали, что шкафы распахнуты, кондиционер включен, а занавески раздернуты. Мы с Кати жили вместе и потому не особо задумывались. Кати приписывала все эти действия мне, а я – Кати. *Ее* появление не сопровождалось драматическими киношными эффектами. В комнате ничего не клубилось, тени не мелькали, на экране компьютера не появлялись напечатанные невидимой рукой послания, и магнитные буквы на холодильнике не складывались сами собой в слова. Ничего такого, как в «Полтергейсте» или «Экзорцисте». Скорее похоже на болезнь, которая развивается так постепенно, что ее невозможно заметить, пока она не достигнет летальной стадии. Так, пустяки: вещи обнаруживались черт знает где. Банка с медом в платяном шкафу. Книги – в посудомоечной машине. Все в этом роде. Ну и конечно, ключи. Ключи особенно. У *нее* просто страсть к ключам. Нет, *она* не из тех гостей, которые нагло заваливаются в дом среди бела дня. Мы с Кати сперва шутили: «Ха, опять призрак заходил».

Мне кажется, в конечном итоге именно *она* серьезно повлияла на нашу судьбу – нас троих. И дело тут не в разбитых вазах.

Я прекрасно помню тот день, когда жужжание переросло в отчетливый гул. Это случилось прошлой осенью, воскресным утром. Я остался дома, а Кати отправилась за покупками. Я валялся на диване, один глаз – в газету, другой – в телевизор. Показывали третий «Крепкий орешек», дублированный на кантонском диалекте. Я заметил, что на ковре у дивана играет маленькая девочка: лежит на животе и дрыгает ногами, как будто плавает.

У меня не было никаких сомнений в ее присутствии. И вместе с тем я был совершенно уверен, что никаких маленьких девочек в доме находиться не может.

Вывод напрашивался сам собой.

От страха волосы зашевелились у меня на голове, словно подул ветерок.

– Хорошо бы сюда еще несколько агентов ФБР, – сказал болван депутат, который не верил в возможности Брюса Уиллиса.

Рассудок вернулся, предъявил удостоверение. Он приказал вести себя так, словно ничего предосудительного не происходит. А что мне оставалось делать? С воплями броситься вон из квартиры – куда? Все равно рано или поздно придется вернуться. К тому же Кати надо побережь. Не докладывать же ей, что мы с утра до вечера, с вечера до утра живем под наблюдением призрака. И вообще, стоит опустить подъемный мост – и мало ли кто еще придет по нему? Я заставил себя снова уткнуться в газету и сделал вид, что читаю статью, пусть она хоть на монгольском языке.

Рассудок заковал Страх в наручники, но это не мешало Страху орать во всю глотку: «В твоей квартире поселился призрак, черт возьми! Призрак, ты слышишь, кретин?»

Она по-прежнему плавала на ковре. Только перевернулась на спину.

Нужно отложить газету. Итак, если *она* здесь, значит, я сошел с ума? Или я сошел с ума, если *ее* здесь нет?

Что я мог сказать о *ней*?

Только то, что *она* не причиняет мне зла.

Я свернул газету и прямо посмотрел туда, где, по моему мнению, была *она*.

Никого. И ничего.

«Ну, что я говорил!» – сказал, ухмыляясь, Рассудок.

«Нил, – сказал Нил. – Ты сходишь с ума».

Я решительно направился на кухню.

За спиной раздалось хихиканье.

«Мудак», – сказал Страх Рассудку.

Щелкнул замок, звякнули об пол ключи – Кати уронила связку. Я вышел в коридор. Кати наклонилась за ключами, поэтому, слава богу, не видела выражения моего лица.

– Уф! – разогнулась она с улыбкой.

– Добро пожаловать! – приветствовал я ее. – Что это у тебя? Шампанское?

– Шампанское, омары и баранина, мой охотник-добытчик. А ты спал, да? Тебя пошатывает.

– А... да. Задремал. Неужели я опять забыл про твой день рождения?

– Нет.

– В чем же дело?

– Я как следует накормлю тебя, чтобы у тебя было игривое настроение и много спермы. Я хочу ребенка. А как ты?

А я как Кати.

Я очутился в каком-то грязном дворе, окруженном покосившимися домишками рыбаков. Здесь дорожка разветвляется на множество тропок. Черный пес пристально смотрит на меня единственным глазом, оценивая, что я за птица. Лучше бы он сидел на цепи. А вдруг он бешеный? Из-за кочана капусты размером с шалаш выглядит женщина. Она спрашивает:

– Ищите дорогу к большому Будде?

Я посмотрел на себя со стороны, ее глазами. Во двор забрел черт-иностранец. Ноги по щиколотку в грязи, ботинки из Пенсильвании, шелковый галстук из Милана, кейс набит всякими японскими и американскими штучками, которые стоят больше денег, чем она видела за три года. Что она должна подумать?

– Да, – киваю я.

Она машет тупорылым овощем в сторону одной из тропинок.

– Большое спасибо, – благодарю я.

Протопанная тропинка, углубляясь в лес, становится все менее проходимой. Со всех сторон надвигаются листья, ветки, сплетения корней, наросты, шипы и заросли кустарников. Какая-то неказистая, грязноватого цвета птичка поет в зелено-опаловой чаще. Сухая трава. Земля, камни, черви шевелятся у меня под ногами.

Я ни на что не обращаю внимания. Солнце начинает припекать.

Слышится рокот вертолета. А вдруг это Аврил и Гилян разыскивают меня? В шлемах, с биноклями у глаз. Потом Аврил выступит перед камерой, как репортер, собирающий информацию о дорожных пробках. Я даже рассмеялся. Шорох в подлеске. Я замер, прислушиваясь, но все затихло. Или показалось. Хотел бы я знать, на острове Лантуа водятся змеи?

Тридцать один денек в сентябре,
В апреле, июне и в ноябре.
Все остальные – насрать...³⁶

Насекомые, страдая от жажды, с жужжанием вьются возле моего лица – не терпят отвратить моего пота.

Теперь на сцене должна появиться горничная.

Бог свидетель, что идея обзавестись прислугой пришла в голову Кати. У меня этого и в мыслях не было, не я ее нанимал, и первые шесть месяцев – до нынешней зимы – я даже ее в глаза не видел. У меня с ней ничего не было, пока Кати не уехала в Англию. В нашей фирме есть кружок мужчин, которые нанимают прислугу с прицелом, что она будет не только выбивать пыль и отводить детей в школу. В «Кавендише» предпочитают филиппинок – они более сговорчивы, потому что у них нет гражданства. К тому же филиппинка знает: чем услужливей она будет, тем скорее хозяин, покидая Гонконг, порекомендует ее своему преемнику.

Может, Кати наслушалась разных историй, бывая в женских клубах. Поэтому, наверное, она решила взять горничную-китайку. Я очень удивился, когда Кати сказала, что ей нужна прислуга. Родители Кати имеют дипломы Кембриджа и принадлежат к верхним слоям среднего класса, но семейный бюджет у них куда ниже среднего. Они использовали старые связи и затягивали пояса потуже, чтобы отдать детей в хорошие школы. Мы познакомились с Кати в адвокатской конторе в Лондоне, отнюдь не в палате лордов.

И вот мы очутились здесь, в колонии. Прошу прощения, в бывшей колонии.

Я расстроился, когда обнаружил, что Кати подпала под влияние женского клуба. Но вынужден был согласиться, когда она заявила, что я не из тех, кто в состоянии поддерживать порядок в доме. А ей – и опять я ничего не смог возразить – будет трудно справляться одной, когда она забеременеет.

Подозреваю, дело было еще и в том, что Кати увлеклась идеей наведения межкультурных мостов и решила сделать своим хобби постижение загадочной китайской души.

Если это подозрение верно, то Кати сильно просчиталась. Хобби ничего не принесло ей, кроме огорчений, которые тут же по эстафете передавались мне, как только я переступал порог дома. Кати дарила ей подарки – она брала, не сказав ни слова в ответ. Кати жаловалась: горничная угрюма, непредсказуема и делает толстые намеки, что ее родственники умирают с голоду, а ей не хватает денег спасти их. Кати подозревала, что по ночам она подрабатывает в баре. У Кати пропали золотые серьги, хотя она и не была вполне уверена, что виновата горничная. Оглядываясь назад, я думаю: может, это дело рук нашей призрачной дочурки?

³⁶ Перевернутый стишок-запоминалка для детей: Ровно по тридцать дней в сентябре, В апреле, июне и ноябре. В феврале двадцать восемь, такой он один. Все остальные – по тридцать один.

- Если ты недовольна, уволь ее, и все.
- Но ведь у нее семья голодает!
- Это не твои проблемы! Ты же не Леди Благотворительность.
- Рассуждаешь как законченный законник.
- А у тебя голова только ею и забита с утра до вечера.
- Нил, я хочу, чтобы ты поговорил с ней.
- Почему я?

– Я пыталась, но в китайской культурной традиции женщины уважают только мужчин. Только мужчин признают. Держись с ней потверже, и все. Я дам ей выходной в субботу, а в воскресенье, когда ты дома, попрошу прийти. Пожалуйста, не забудь. Ничего не намечай на воскресенье.

- А как насчет золотых сережек?

Про них не следовало вспоминать.

После того как с большим трудом наконец удалось успокоить Кати, я спросил, что, собственно, я должен сказать горничной.

– Скажи, что есть определенные требования, которые она должна выполнять. Что у нее есть обязанности. Скажи – может, она чего-то не поняла, потому что мы плохо объяснили, когда нанимали ее.

– А если она просто ленивая сучка, и все? Почему ты думаешь, что мои слова на нее подействуют?

– Ну как же, китайский менталитет! У китайцев такая психология: если им дать понять, кто хозяин, они слушаются. На меня она смотрит как на кусок собачьего дерьма. Жена Тео рассказывала, у них такие же проблемы. Даже если она не поймет слов, не беда. Все, что нужно, эти люди понимают по интонации.

Вот так в воскресенье и состоялась моя встреча с горничной. Видит бог, я этого не хотел – Кати сама свела нас.

Я предполагал увидеть уборщицу. Горничная есть горничная. Ей оказалось лет двадцать восемь – двадцать девять. Она была в униформе – белая блузка с черной юбкой, черные колготки – и слегка вспотела. Она безразлично выслушала, как я отбарабанил свой монолог, стараясь не смотреть ей в глаза. У нее были прекрасные густые волосы и смуглая кожа. Увидев ее, я уже через тридцать секунд понял: рано или поздно мы с ней окажемся в постели. И я знал, что она тоже это понимает.

С этого самого момента, даже в те ночи, когда мы с Кати занимались любовью по три раза кряду, чтобы она забеременела, я закрывал глаза и представлял, что подо мной лежит горничная.

Тропинка, огибая монастырь, резко поднимается в гору и ведет в самую сердцевину разгорающегося утра. Скоро полоса деревьев остается далеко внизу. Никогда не предполагал, что в этих краях так много неба! Я снимаю пиджак и перекидываю его через плечо. Кейс по-прежнему сжимаю в руке.

Дойдя до выступа скалы, присаживаюсь. Сердце грохочет, как барабан. Взял я с собой таблетки или нет? Доктор, который лечит сотрудников компании Кавендиша, китайский шарлатан, сказал: «Принимайте по три таблетки в день, и все будет в порядке». Я спросил, что за таблетки. Он ответил: «В этой бутылочке зеленые, в этой – красные, а в этой – синие». Простите, доктор. Сегодня прием ваших таблеток отменяется.

На небе – сплошная алхимия. Солнце растопило свинцовую серость и превратило ее в серебро. Сквозь серебро постепенно начинает просвечивать голубизна. Хороший будет денек.

Поросшая бурым плюшем глыба подняла голову, посмотрела на меня с сочувствием и замычала. Когда в последний раз я был рядом с коровой, если не считать отбивной? Не помню. Давным-давно, в Уэльсе. Гонконг поблескивает вдали сквозь дымку. Небоскребы тянутся кверху, тесня друг друга, как деревья в джунглях.

Зазвонил мобильный, и меня как током тряхнуло.

Черт, что же я натворил. Боже, помоги мне проснуться, очнуться, вернуться на землю!

Корова опять печально замычала. Да в бога душу мать! Я адвокат. Я живу в мире, где «тринадцать» означает только одно – «тринадцать миллионов баксов». А я прогуливаю работу, как школьник контрольную по математике. Эти тайваньцы! Думай! Какая причина покажется им достаточно веской, что можно привести в свое оправдание? Похищение? Сердечный приступ? Аврил знает, что я принимаю лекарства от сердца. Припадок? Думай, думай! Сильный, невыносимый, мучительный приступ тошноты. А как я объясню, почему не сел на паром? И вообще, придется платить доктору, выписывать рецепт, искать внушающих доверие свидетелей...

Отвечай! Отвечай же!

Включаю телефон и отвечаю, э...

Похоже, Нил, на этот раз ты решил довести дело до настоящего кризиса.

Э... Не слышу ничего, кроме ударов сердца, – словно близкие разрывы гранат.

– Нил? Нил? – доносится из трубки. Аврил, конечно. – Нил, где ты?

Большая муха села мне на колено. Готичный трицикл. Я снова расслабился.

– Нил! Ты слышишь меня? Чен Юн здесь. Он предельно вежлив, но совершенно не понимает, что могло тебя так сильно задержать. И я тоже не понимаю. И Джим Херш вряд ли поймет. Если Чен Юн недостаточно важная персона, чтобы ты поспешил, то имей в виду, из Петербурга тебе уже дважды звонил господин Грегорский, и сейчас даже не девять.

Я смотрю на свой «ролекс». Боже, как время пролетело. Корова нахмурилась, донесся запах ее свежей лепешки.

– Я знаю, что ты там, Нил. Я слышу, как ты дышишь. Сейчас тебя может спасти только одно – если твой паром перевернулся. Нил, ты слышишь меня, Нил? Если ты не в состоянии говорить, хлопни два раза по телефону, хорошо?

Ага! К ее хамскому тону примешивается нотка сомнения. Я хихикаю. Умница Аврил всегда найдет выход. Она далеко пойдет, наша Аврил.

– Нил! Ничего смешного! Ты срываешь крупнейший контракт, который нам когда-либо светил! О котором можно было только мечтать! Я вынуждена сообщить господину Кавендишу. Ты ведь не рассчитываешь, что я буду тебя покрывать?

Да заткнись ты уже, достала. Нажимаю «отбой» и кладу телефон на теплый камень.

В небе кружит гриф и проплывает облако в форме наковальни.

Их появление невозможно заметить. Они таятся в укромных уголках, куда никто не заглядывает, чтобы смахнуть пыль. Они разрастаются до невероятных размеров, а ты не подозреваешь о них – ни во сне, ни наяву. А потом в один прекрасный день происходит случайная встреча! И твои тайные желания вырываются на свободу. Вот о чем ты все время мечтал, сам того не зная. Один беглый взгляд – и все заградительные сооружения рушатся...

Аврил добралась до моего пейджера. Это черт знает что такое, оказывается, я до зубов вооружен всякой хренью, по которой меня можно достать. Разоружаюсь, как Джон Уэйн³⁷ после того, как перестрелял легион гнилозубых мексиканских бандитов. Открываю кейс. Опа! А вот и папка с надписью «Микки Кван»! И еще визитная карточка Хью Ллуэллина.

³⁷ Джон Уэйн (1907–1979) – американский актер, прославился ролями в вестернах.

Бросаю пейджер и мобильный телефон в кейс. Распрямляюсь, как следует размахиваюсь и запускаю кейс в полет. Он описывает изящную параболу. До меня доносится жалобный писк – пейджер мяукает, как дорогой породистый котенок. Кейс падает на крутой склон и скользит вниз, подпрыгивая и кувыркаясь в воздухе, выписывая кульбиты, разгоняясь до убийственной скорости, как горная львица, как сорвавшийся акробат, как лемминг, как Хрюша из «Повелителя мух»³⁸, на мгновение зависает в лучах утреннего солнца, словно невесомый.

В следующее мгновение он с шумом плюхается в море.

* * *

Видимо, Кати перед отъездом забыла уволить горничную.

Через неделю после того, как Кати улетела, я вернулся с работы поздно вечером и обнаружил, что грязное белье выстирано, туалет и ванная надраены, окна сияют. Она даже погладила рубашки, благослови бог ее маленькие китайские грудки с сосочками, как ягоды кизила.

Конечно, я решил не отказываться от ее услуг. А то вечно приходится записывать в календарь-памятку все дела, вплоть до посещения туалета. Серьезно.

Горничная сразу сообразила, что Кати уехала.

Она пришла в воскресенье утром. Я лежал на диване и смотрел «Улицу Сезам». Я услышал, как повернулся ключ в замке. Она вошла в гостиную, будто хозяйка. Фартучка на ней не было.

Она прикрыла за собой дверь, подошла ко мне, словно я неодушевленный предмет, опустилась на колени, сжала мой член в руке и стала его массировать. Зелибоба пел песенку про то, как звук «а» на письме волшебным образом превращается в букву «о». Я попытался поцеловать ее, но она оттолкнула меня свободной рукой, а второй рукой орудовала все энергичнее. Задрала мне футболку. Брюки стянула ногой. Спортивная девушка. Не выпуская мой член из руки, она повела меня, как быка на веревочке, в спальню, и уложила на постель, с той стороны, где спала Кати. Потом сбросила трусики и придавила мне коленом грудь. Я потянулся расстегнуть ей блузку, но она предостерегающе зацокала языком – «тсс, тсс», шлепнула меня, вонзила когти мне в мошонку и не убирала их, пока я не попросил пощады. Только тогда она заговорила – в первый и, кажется, в последний раз.

– Скажи: я хочу тебя, я не хочу суку Кати.

– Да, да.

– Скажи!

– Я хочу тебя.

– Дальше скажи. Кати сука. Кати дрянь. Не женщина. Настоящая женщина ты. Скажи. У меня язык не поворачивался.

Не выпуская моих захваченных в заложники яиц, она одной рукой стянула с себя блузку и расстегнула лифчик. В соседней комнате раздалось хихиканье. Соски у нее поднялись и потемнели – что-то сказочное.

– Ну?

– Она сука. Дрянь. Ты настоящая женщина.

– Дать мне много денег. Ее вещи. Мне подарок.

– Она почти все увезла.

– Нет. Много есть. Теперь я. Все мое. Скажи.

Ее ладонь быстрее и быстрее скользила по моему члену.

– Теперь все твое, – выдохнул я.

Она положила мою руку себе на грудь.

³⁸ Выпущенный в 1954 г. роман Уильяма Голдинга.

– Скажи: ты сильнее я.

– Ты сильнее меня.

Покончив с формальностями и утвердив условия договора, она легла на меня, ее грудь коснулась моей груди. У меня мелькнула мысль о мерах предосторожности, но в следующую секунду я забыл обо всем. Только ритмичные волны влажного тепла. Глубже и глубже. Быстрее и быстрее.

Я хотел поменяться с ней местами, но она укусила меня, отпихнула локтем и снова залезла наверх.

А потом жужжание вентилятора над нашими телами. Ничего не осталось от горячего прилива – только запах и пена отлива. Я чувствовал... Не знаю что. Может, ничего. Слушал финальные аккорды «Улицы Сезам».

Она встала с кровати и присела к туалетному столику Кати. Открыла ящик, достала ее коралловое ожерелье. И надела на шею. Более тонкую, чем у Кати.

Я снова хотел ее. Все равно платить придется по полной. Не только деньгами. Нужно не продешевить и взять свое. Я подошел и взял ее сзади, на туалетном столике. Разбив нечаянно зеркало.

Секс с горничной превратился в наркотик. Один раз попробовал – и зависимость становилась все сильнее. Я думал о ней на работе. Когда я возвращался домой, мой член вставал, едва ключ касался замочной скважины. Если уже в прихожей чувствовался запах духов Кати – значит, она пришла. Если нет... приходилось довольствоваться виски. В офисе Хьюго Хэмиш и Тео решили, что я страдаю от разлуки с Кати, уговаривали после работы сходить в «Бешеных псов», пропустить по стаканчику. Чтобы развеяться. По правде сказать, воспоминания о Кати не особо терзали меня. В моей памяти они в другой кабинке, и, пока не понадобятся, случайно я на них не напорюсь. Горничная – другое дело. Мысли о ней меня преследуют неотвязно.

Как-то раз я вернулся домой и увидел в прихожей тапочки госпожи Фэн. Я понял, что к нам пришла беда. Госпожа Фэн и Кати сидели за столом в гостиной. Они вели разговор об обличьях дьявола. Окончательный приговор Нилу Броузу был только что вынесен.

– Нил, – произнесла Кати директорским тоном: она всегда прибегает к нему, когда сильно волнуется, но хочет показать, что полностью владеет собой, – Госпожа Фэн рассказывает мне о нашей гостье. Сядь, послушай.

Мне хотелось пива. Хотелось в душ. Хотелось бифштекса с жареной картошкой и посмотреть матч «Манчестер юнайтед» – «Ливерпуль» по кабельному.

– Выслушай госпожу Фэн! Это очень важно! Сядь!

Раньше сядешь – раньше выйдешь. Я вздохнул.

Госпожа Фэн терпеливо ждала, пока я усядусь и перестану ерзать.

Она смотрела на меня так пристально, словно проводила опознание моей личности. Я почувствовал себя подозреваемым.

– В этой квартире живете не только вы, – изрекла госпожа Фэн.

– Знаю.

– Еще маленькая девочка. Сейчас она прячется. Боится меня.

Ничего удивительного, подумал я. Глаза у госпожи Фэн прямо как стеклянные двери. Когда она моргает, я отчетливо слышу, как скрипят створки.

– Есть три варианта. Первый. Давным-давно нежеланных детей привозили ночью на остров Лантуа и бросали тут умирать от холода и голода среди диких зверей. Может, ваша девочка из этих. Но вряд ли – эти, древние, не любят селиться в современных домах. Второй вариант. Когда японцы во время войны оккупировали Гонконг, они вывозили сюда арестованных и заставляли рыть себе могилы. А потом расстреливали на краю. Может, девочка

украли какую-нибудь ерунду, и ее расстреляли. Третий вариант. Девочка – дочь белого специалиста, который тут жил, и горничной. Мужчина уехал, а горничная бросила девочку возле дома.

– Любящая мать, – вставил я.

– Нил, помолчи!

– Мальчик – это, конечно, бесчестье. Но девочка – еще хуже. С девочками часто так поступают, если родители бедны. Даже когда оба они китайцы и состоят в законном браке. В будущем расходы на приданое могут совершенно разорить родителей. Думаю, ваша девочка из них.

Почему они в четыре глаза смотрят на меня? Чем я провинился?

– Тут есть один нюанс, – сказала Кати. – Госпожа Фэн сказала, что такая девочка может привязаться к мужчине. То есть к тебе.

– Ты хоть соображаешь, что говоришь?

– Госпожа Фэн говорит, что девочка ревнует тебя ко мне. Видит во мне соперницу. Я не смогу забеременеть, пока мы живем в этой квартире. Нам нужно уехать с острова Лантуа. Передвигаться по воде они не умеют.

– Мне кажется, доктор Чен несколько правдоподобнее объясняет, почему чета Броуз-Форбс никак не может обзавестись наследником.

Черт, не стоило это говорить.

– Значит, по-твоему, это все плод моего воображения?

– Нет. В доме, пожалуй, и правда кто-то завелся. Но космические цены на жилье в районе Виктории – более осязаемая реальность. Когда речь идет о деньгах, китайцы сразу забывают про свой хваленый фэн-шуй. Так что, Кати, выбрось это из головы. Переезд туда нам не по карману. А о том, чтобы перебраться в Коулун, где обитает всякий сброд и рулят триады, и речи быть не может. Родишь там ребенка, а его наруют на кусочки и засушат из них лекарств.

Госпожа Фэн молча наблюдала эту сцену. Готов поклясться, не без удовольствия.

– Госпожа Фэн, – обратился я к ней. – Вы знаете все на свете. Скажите, что нам делать? Вызвать экзорциста?

Мой сарказм пропал зря. Госпожа Фэн кивнула в ответ:

– В рядовом случае – да, конечно, я могла бы порекомендовать квалифицированного геоманта. Но ваша квартира так плоха, что ничего, я уверена, не поможет. Вам нужно переехать.

– Мы не переедем. Мы не можем переехать.

Госпожа Фэн встала из-за стола:

– В таком случае позвольте попрощаться.

Кати тоже поднялась и пробормотала что-то вроде «прошу вас, оставайтесь, выпьем чайку», но госпожа Фэн уже направлялась к выходу.

– Остерегайтесь того, что за стеной, – бросила она на ходу, не оборачиваясь.

Я размышлял над тем, что значат ее слова. Кати ушла в комнату для гостей и захлопнула за собой дверь. Щелкнул запор.

Сумасшедший дом, просто сумасшедший дом. Я достал банку пива и лег на диван. Готовить ужин не было сил. Спасибо тебе, Кати. За целый день не удосужилась сварить обед. Видимо, занималась привидением.

Никогда не думал, что в этой чертовой квартире столько замков и запоров.

Мальчик с девочкой в кафе вчера вечером. Не выходят из головы.

Мы с Кати. Куда подевалась Любовь?

А Любовь занялась сексом. Раз за разом, раз за разом, пока это ей не наскучило до зеленых чертиков. Seriously.

Тогда она осмотрелась вокруг: чем бы еще заняться. И тут увидела, что у всех старых добрых друзей народились славные ребятишки. Любовь решила последовать их примеру, но, как она ни старалась оплодотворить себя, месячные неуклонно приходили в свой срок. И тогда Любовь обратилась в клинику по лечению бесплодия, и там ей открыли правду. Насколько я могу судить, труп Любви и поныне там. Вот вам, мальчики и девочки, история про то, куда девается Любовь.

Я хочу вернуться в кафе и сказать им: «Послушайте меня! Вы больны, оба. Вы все видите в искаженном свете».

Да кто ты такой, Нил, чтобы ставить людям диагнозы?

В тот же вечер позвонила Кати. Едва горничная успела уйти. Не прошло и двух минут. Я, весь потный, шел в ванную принять душ. Как это женщины умудряются даже на расстоянии учуять такие вещи? Совершенно пьяная, она обращалась к автоответчику. Я стоял в гостиной голый и слушал, вдыхая запах секса, который витал в воздухе после того, как я не знаю сколько раз трахался с горничной, которую Кати ненавидела.

– Нил, я знаю, что ты дома. У нас пять часов. А у вас там сколько? Одиннадцать, что ли? Я понятия не имел, который час.

– А я тут смотрю по телику, как наших разделяют в Уимблдоне. Вот... И вообще. Чего я хотела сказать? Забыла. У меня все в порядке, спасибо, а ты как поживаешь? А у меня все в порядке. Вот. Ищу квартиру... Почти нашла. Подписываю договор. Вот. Через неделю переезжаю в Ислингтон, в маленькую такую квартирку. Трубы там, правда, очень гудят. Зато нет привидений. Прости. Это не смешно. Аудиторствую в одном агентстве, временная работа. Так, чтобы набить руку. А Вернвуд переехал на Уолл-стрит. На его месте уже какой-то шустряк, только-только из экономической школы. Вот... Слушай, может, ты перешлешь как-нибудь мне кресло королевы Анны? Оно кой-чего стоит... На прошлой неделе говорила с твоей сестрой. Столкнулись с ней совершенно случайно... Забавно, правда? Она говорит, ты продлил контракт еще на восемнадцать месяцев... А ты не собираешься прилететь на Рождество? Может, встретимся? Это мне вдруг в голову пришло... Хотя... Вряд ли у тебя найдется время... Тебе столько людей нужно повидать... И вообще. Послушай, у тебя в квартире остались мои драгоценности. Мы же не хотим, чтобы горничная все сперла и сбежала в Китай, правда? Вряд ли она вернет ключи, которые украла... Поэтому тебе лучше поскорее поменять замок. Вот... А у меня все в порядке. Надо только немного отдохнуть. Да... Без малого сорок лет – не шутки. Вот... Может, позвонишь, когда вернешься? Если не очень устанешь... Я не буду спать. Хочу посмотреть парные финалы, а это еще не на один час... Ах да, вот что я хотела сказать! Твоя мама просит тебя позвонить – сестра велела передать. У отца опять эта штука, как его... панкреатит. Теперь вроде все... Пока... Звони...

Я так и не позвонил ей. А что я мог сказать?

Чья-то могила. Надгробие обращено к морю. Солнце стоит высоко и палит нещадно. Снимаю галстук, вешаю на сук. Нечего и пытаться разобрать имя того, кто покоится здесь. Самая дикая в мире система письма состоит из тысяч иероглифов. Я знаю пять: алкоголь, гора, река, любовь, выход. Иногда я думаю: эти иероглифы и есть настоящие китайцы. Живучие, они уцелели на протяжении веков, хитрые, они прячут свой смысл за внешней похужестью друг на друга, чтобы дурачить иностранцев. Устойчивые ко всяким воздействиям извне. Сам Мао не смог одолеть собственный язык и подвергнуть его реформе.

Теперь я спускаюсь по склону. Остались позади быстрые ручьи, заросли, полные птичьего щебета, бабочки с большими, как блюдца, и полосатыми, как зебра, крыльями. Два или

три раза я терял тропинку, и два или три раза она сама находила меня. Это напомнило мне, как я бродил по Национальному парку в Уэльсе. Сколько времени пройдет, пока поймешь, что везде все одинаковое. И женщины тоже.

На этот раз тропинка пропала окончательно. Нужно возвращаться, глядя под ноги, продираясь через колючие заросли и густую траву. Я присел на землю и посмотрел прямо перед собой. Видно, как строят новую посадочную полосу для аэропорта на искусственном, насыпном полуострове. Ползают крошечные бульдозеры. Струйки пота текут у меня по спине, по груди, по животу, под животом. Брюки прилипли к бедрам. Стоило бы принять таблетки, но они в кейсе на дне залива.

Интересно, пошлют кого-нибудь искать меня? Мина, наверное. Сама Аврил сейчас, конечно, занята – шарит по моему жесткому диску, а Тео Фрезер стоит у нее за спиной. Как далеко они зайдут? Все эти письма из Петербурга, семи- и восьмизначные суммы переводов, куда только не...

Если вы никогда не жили под одной крышей с призраком, вам очень трудно представить, каково это. Вы, наверное, думаете, что человек круглые сутки ходит сам не свой, в страхе и напряжении, и хватается за телефон, чтобы позвонить экзорцисту. Ничего подобного. Скорее это похоже на то, будто рядом живет очень независимая кошка.

Последние несколько месяцев я жил с тремя женщинами. Одна была призраком, а сейчас стала женщиной. Другая была женщиной, а сейчас стала призраком. Третья была призраком и останется призраком. Но эта история совсем не про нее. Призрак находится в тени, где ему и полагается быть. Если призрак выходит из тени, он становится человеком.

Мы с Кати возвращались с какой-то дурацкой корпоративной вечеринки. Вместе вошли в вестибюль, я поставил на пол кейс, проверил почтовый ящик. Вынул несколько писем. В лифте надорвал конверт и тут вспомнил, что забыл кейс внизу. Когда поднялись на четырнадцатый этаж, Кати вышла, а я поехал вниз. Взяв кейс, поднялся наверх и, когда двери лифта открылись, увидел, что Кати по-прежнему стоит на площадке перед квартирой. Я сразу понял: что-то случилось.

Кати дрожала, белая как мел.

– Дверь заперта. Изнутри. Изнутри.

Грабители? Не успели уйти?

Мы оба знали – грабители ни при чем.

Она вернулась.

Понятия не имею, как я сообразил, что делать. Я достал из кармана ключи и погромел связкой. Потом резко толкнул дверь.

Она распахнулась в темноту квартиры.

За всю ночь Кати не сказала ни слова, хотя не спала – я это чувствовал. Оглядываясь назад, думаю, что это и было началом конца.

Ну вот, я спустился по склону.

Мимо едет автобус – набит битком, как обычно. Люди глазеют по сторонам. Черт подери эту их китайскую манеру в упор пялиться на тебя! Это так невежливо! Подумаешь, европеец загорает в костюме. Возвращается в будний день с прогулки в горы. Что особенного? Никогда раньше не видели, что ли?

А солнце-то, солнце! Удар, как у боксера. Того и гляди отправит в нокаут. Снова пролетел вертолет, наполнил долину гудением. Давно надо было побывать в этих местах. Меня ждали, а я не сделал ни шагу навстречу. Только мотался туда-сюда, в офис и обратно на этом чертовом пароме через реку Стикс.

Интересно, а где живет горничная? В Коулуне или в каком-нибудь из новых районов? От порта до дому добирается на автобусе или ловит машину. Все приличные магазины остаются далеко позади. В подобном районе, наверное, живет и Мин. Узкие улочки. Стены зданий до пятнадцатого этажа заляпаны вывесками – грязные мастерские, стрипклубы, пункты обмена валют, ресторанчики и бог знает что еще. Вверху огрызок грязного неба. Шум, конечно, никогда не затихает. В головах у китайцев, должно быть, есть какой-то звуковой фильтр: в этой какофонии они умеют выделить только ту партию, которая их интересует. Такси, дешевые плееры, пение из храмов, спутниковое ТВ, завывания продавцов, усиленные мегафонами. Чем дальше идешь, тем сильнее становится запах грязи, мочи и дим-сума³⁹. В подъездах маячат личности, которым давно пора побриться и сменить рубашку, – предлагают наркотики. Карабкаешься вверх по лестнице (лифты в таких местах вечно не работают), там, в крошечной квартирке, ютится семья из семи человек. Они бранятся, смотрят телевизор, пьют. Даже не верится, что я работаю в этом же городе. Даже не верится, что в районе горы Виктория здания похожи на маленькие дворцы. Где-то там, наверное, японский парнишка сейчас восстанавливает пострадавшие от перелета биоритмы. А его девушка подает ему на серебряном подносыке чай с лимоном. Или нет, скорее всего, ее горничная подает ему чай с лимоном. Интересно, как они познакомились? Ужасно интересно.

Каждый город состоит из множества городов.

Когда я впервые прилетел в Гонконг – еще без Кати, она прилетела позже, – мне дали один день, чтобы я оправился от джетлага. Я чувствовал себя прекрасно, поэтому решил воспользоваться выходным и осмотреть город. Я куда-то заехал на трамваях, и меня охватил ужас от нищеты вокруг. Передвигаясь по подвесным дорожкам, я чувствовал себя спокойно только в окружении деловых костюмов и кейсов. В вагончике фуникулера я поднялся на вершину горы Виктория. Тут прогуливались жены богачей, няни с ребятишками, парочки подростков, разглядывающие другие парочки. С прилавков на колесиках – такие сооружения мой отец называл базарными тачками – торговали путеводителями, кокосовыми орехами, пакетиками с легкими солеными закусками, которые так обожают китайцы и индийцы. На одном лотке нашлись путеводители на английском и открытки с видами, я купил несколько. Неожиданно груда тряпья у прилавка зашевелилась и что-то протягивала по-китайски. Оттуда высунулось сморщенное грязное лицо и с омерзением уставилось на меня. Меня передернуло. Продавец рассмеялся и сказал:

– Не бойтесь, он безобидный.

Нищий захрипел и повторил свои слова, только медленнее и громче.

– Что он говорит? – обратился я к продавцу.

– Просит милостыню.

– Сколько ему нужно?

Дурацкий вопрос.

– Он просит не денег.

– А чего?

– Времени.

– Что это значит?

– Он думает, что у вас много лишнего времени, раз вы его тратите зря.

Язык стал сухой и шершавый. Хочется пить... Я выпил бутылку воды вместо завтрака и с тех пор ничего не пил. Обычно я пью кофе или виски. Старик фермер поджигает какие-то палочки. Бамбук? Похоже на фейерверк. Лиловыми завитками дым тянется через дорогу.

³⁹ Дим-сум (дяньсинь, «сердечное прикосновение») – легкая китайская закуска к чаю. В Южном Китае и Гонконге распространены специальные димсумовые ресторанчики.

У меня на глаза наворачиваются слезы. Я сижу под густым раскидистым деревом, веткам которого не удастся полностью скрыть небо, как словам не удастся полностью скрыть то, что стоит за ними.

Кусты одичавших красных роз разрослись вдоль стены из камня, который осыпается, превращаясь обратно в песок. Собака на привязи зашлась в истерике, когда я подошел. Шквал оскаленных зубов и остервенелого лая. Думает, что я привидение. Матрасики, выставленные проветриваться. Звучит китайская поп-музыка, ужасная, трескучая. Двое стариков сидят неподвижно в комнате без всякой мебели. Над их чашками поднимается пар. Лица ничего не выражают. Ждут чего-то. Как хорошо было бы зайти и сесть рядом с ними. Я бы отдал им мой «ролекс». Они бы улыбнулись и налили мне жасминового чая, и нам было бы хорошо.

Я смотрел, как за стеклом по ночной улице движется поток машин, людей, чужих историй. Неоновые буквы снова и снова посылали свои сообщения. Парнишка японец со своей девушкой незаметно исчезли, как это я прозевал, черт подери. Лайонел Ричи допел, замолчал. Второй гамбургер остыл, затвердевший жир вставал в горле комом, и я не смог доест. Зазвучала «Богемская рапсодия»⁴⁰ в немыслимой обработке, с текстом на кантонском. Пора возвращаться в офис, готовить отчет для господина Вае, а то Аврил разыграет страдания пресвятой мученицы в трех актах. Сейчас, последняя песенка, последняя чашка сладкого, как сироп, кофе, и я буду пай-мальчиком, вернусь на контрольную. Заиграли «битлы», «Черного дрозда»⁴¹. Никогда раньше не вслушивался в эту вещь. Красота. Просто красота.

– Нил Броуз?

Голос с валлийским акцентом, незнакомый и знакомый одновременно. Парень что твой Мистер Крот, взгляд из-за стекол в роговой оправе.

– Да?

– Меня зовут Хью Ллуэллин. Мы встречались у Тео и Пенни Фрезер на новогодней вечеринке.

– А, да... Хью... Конечно, конечно.

Киваю. Я его отродясь не видывал.

– Не возражаете, если я займу кресло за вашим столиком?

– Конечно, пожалуйста. Если только этот пластиковый стул, привинченный к полу, можно назвать креслом. Простите мне мою дырявую память, Хью. Вы из какой компании?

– Раньше работал в «Жардин-Перл». Сейчас – в Инспекции по перемещению капиталов.

Черт. Ну теперь-то я вспомнил. Тогда у Тео мы поговорили о регби, затем немного о бизнесе. Потом я совершенно выбросил его из головы.

– Браконьер подался в лесники, да?

Хью Ллуэллин в вельветовом пиджаке с кожаными заплатами на локтях, улыбаясь, переставил тарелки с подноса на стол. Овощной бургер и чашка с кипятком, в котором расплывался пакетик чая. Валлиец, мать его так.

– В народе еще говорят: «Чтобы поймать вора, нужно быть вором», – ответил он.

Да, мой отец часто повторял эту поговорку.

– Читал о ваших наездах на эту, как ее... Вроде «Шелковый путь», да?

– Да-да. Не передадите ли мне кетчуп, будьте любезны.

⁴⁰ «Bohemian Rhapsody» – песня группы *Queen* с альбома «A Night at the Opera» (1975).

⁴¹ «Blackbird» – песня с так называемого «Белого альбома» (1968).

– До меня дошли кое-какие занятные слухи о том, что они отмывали деньги для крупнейших наркодельцов из Кабула. Это правда? Можете смело со мной поделиться, я никому не скажу.

Хью откусил кусок овощного бургера, пожевал немного, улыбаясь, и проглотил.

– А до меня дошли кое-какие занятные слухи касательно счета один три девять ноль девять три один.

М-мать. Я чуть не сблеванул съеденный дерьмобургер.

– Не понимаю, о чем вы! – рассмеялся я.

Глупо, преступники всегда говорят именно эту фразу.

– Можете смело со мной поделиться, я никому не скажу. – Хью, улыбаясь, подцепил вилкой чайный пакетик.

– Это что, шифр кодового замка?

– Нет. Это секретный счет холдинга «Кавендиш», к которому имеете доступ только вы. Итак, он раскрыл карты.

– Это проверка на вшивость или у вас есть ордер на мой арест?

– Я предпочел бы, чтобы у нас с вами состоялся дружеский разговор.

– Мистер Ллуэллин, вы даже не представляете, во что впутываетесь.

– Мистер Броуз, Андрея Грегорского я знаю гораздо лучше вас. Уж поверьте. Вас подставили. На моих глазах это происходит не впервые. Как вы думаете, почему его имя нигде не фигурирует? Ни в одном документе, ни в одном файле. Так же, как и имя Денхольма Кавендиша. Потому что они к вам нежно привязаны? Исключительно вам доверяют? Для них вы просто очередной пуленепробиваемый жилет.

Много ли ему известно?

– Это самый обычный счет, предназначенный для...

– Я не хочу, чтобы вы ложью загоняли себя в угол, мистер Броуз. Я знаю, что у вас и в личной жизни сейчас сложный период. Но если вы откажетесь от сотрудничества со мной, к концу недели дело примет совсем плохой оборот. Я ваша последняя соломинка.

– Мне не нужны соломинки.

Он пожал плечами, проглотил последний кусок овощного бургера. Я даже не заметил, как он с ним расправился.

– Тогда наш дружеский разговор закончен. Вот моя визитная карточка. Очень рекомендую вам до завтра передумать. До свидания.

Хлопнула дверь. Я сидел, уставившись на свой недоеденный дерьмобургер.

Я уже вошел в башню «Кавендиш», но в вестибюле передумал. Попросил дежурного минут через пять сообщить Аврил, что я ушел домой. Двадцать минут прождал паром в порту, глядя на сияющие небоскребы у черной воды.

По дороге домой обналичил в банкомате три четверти моего счета – на всякий случай, если мои кредитные карты заморозят. Автобус надо было ждать минут тридцать, поэтому прошелся пешком в прохладном сумраке.

Она поджидала меня. Кондиционер шпарил в режиме холодильника.

– Какого черта, скажи на милость! У меня куча дел!

Обиженное молчание в ответ.

– Мне нужно много чего обдумать, поняла? Я ложусь спать.

Я спрятал деньги в коробку из-под обуви и задвинул ее под туалетный столик Кати. До прихода горничной надо будет перепрятать в более надежное место. По воздействию она – наркотик, но по сути, конечно, сука и воровка.

* * *

Я вышел к храму. Где-то журчит вода. Оказывается – рядом фонтанчик, который сторожат два дракона. Умираю от жажды, к черту гигиену. Я пью до тех пор, пока вода не начинает булькать у меня в животе. Смерть от обезвоживания точно не входит в мои планы. Мне хочется окунуть лицо и руки в эту прохладную, прозрачную воду. Снимаю «ролекс», вешаю на нос дракону, стягиваю рубашку и окунаюсь в фонтан с головой. Под водой открываю глаза, вижу, как скользит по дну легкая рябь и прыгают солнечные зайчики.

Ну, теперь куда? Одна тропинка под гору, другая в гору. Пошел под горку и через двадцать метров оказался у выгребной ямы. Возвращаюсь к драконам – придется карабкаться в гору. Чувствую себя гораздо, гораздо лучше. Как будто организм перестал тратить силы на борьбу с простудой и предпочел ей подчиниться.

Тропинка забирает все круче вверх. Иногда приходится помогать себе руками, чтобы не сорваться. Деревья растут плотно, образуя густые влажные заросли, через которые пробиваются иголки света, острые и яркие, как лазерные лучи. Снимаю пиджак и швыряю его в заросли черники. Он порвался в клочья. Может, пригодится какому-нибудь монаху или беженцу. Птицы наполняют воздух своими звонкими голосами и блестящими глазами.

Я выпал из времени.

Хотел посмотреть, который час, но часы-то остались на носу у дракона.

Хватаюсь за корень, чтобы подтянуться, но рука срывается, и я лечу вниз на несколько ярдов. Слышится хруст. Но нет, я цел и невредим. Выпрямляюсь в полный рост. Фантастическое ощущение. Чувствую себя бессмертным.

Сверху нависает скала, огромная, как дом. Я беру ее приступом, словно мальчишка, и вот уже озираю свои владения с вершины. «Боинг-747» величественно, не спеша, заходит на посадку, разрезая день, как бритвой, ревом двигателей. Я машу ему. *Она* тоже машет, весело так, аж подпрыгивает. Все-таки *она* со мной. Приятно доставить радость хоть одному существу. Даже если оно не вполне существует.

– Она меня любит, – заявила горничная.

Она голышом крутилась перед зеркалом, прикладывая к себе одно за другим летние платья Кати. Если какое-либо ей нравилось, она его примеряла. Если подходило, клала в Катину сумку «Луи Вуитон». Если нет – отбрасывала в сторону.

Я распростерся на кровати, пригвожденный неизбывной тяжестью в гениталиях.

– Кто?

– Маленький девочка.

– Какая еще маленькая девочка?

– Твой маленький девочка. Живет здесь. Меня любит. Хочет сестричка. Играть чтобы.

Ветерок осторожно раздвинул занавески. Ей-богу, эти китайцы чокнутые на всю голову.

Когда Кати позвонила в последний раз, она была совершенно трезва. Это не предвещало ничего хорошего.

– Добрый день, автоответчик Нила. С тобой говорит Кати Форбс, бывшая жена Нила. Как ты поживаешь? Работаешь, бедняга, без выходных. Нил совсем обленился и разучился снимать трубку, а также пользоваться номеронабирателем. Передай, пожалуйста, Нилу, следующее. Я стала гордой владелицей роскошного особняка на северо-востоке Лондона. Лето стоит такое дождливое, какого не было уже много лет, и поля для крикета размыло. Дважды в неделю я хожу на сеансы к доктору Клони, он прекрасно помогает от депрессии. Арчи

Гуд взял на себя роль моего адвоката и отправит бракоразводные документы в конце недели. Объясни, пожалуйста, Нилу, что я не хочу его ограбить, а требую только то, что принадлежит мне по праву. Если он потрудится оторвать свою задницу от дивана и перешлет мне кресло королевы Анны, это благоприятно отразится на моих требованиях. Нилу прекрасно известно, что эта вещь перешла ко мне по наследству и я ею очень дорожу. Спокойной ночи.

Вот ключ к пониманию Нила Броуза: он – человек каморок, кабинок, кабинетиков. Горничная находится в одной кабинке, Кати – в другой, маленькая гостья – в третьей, «Кавендиш, Гонконг» – в четвертой, счет 1390931 – в пятой. И в каждой живет свой Нил Броуз, который действует совершенно независимо от прочих. Вот как я устроен. Мое будущее – еще в одном кабинетике, но я не спешу в него заглянуть. Вряд ли мне понравится то, что там.

Как ни странно, горничная оказалась права. Когда я возвращался домой и заставал ее там, атмосфера была ощутимо иной. Мирный Сибелиус вместо бурного Вагнера. Такое впечатление, будто *она* сидит под столом и возится со своими куклами – если б *она* реально существовала, конечно. *Она* никогда не беспокоила нас с горничной, и даже занавески висели так, как перед моим уходом. Ну разве что донесется легкое шлепанье *ее* ножек по мраморному полу в гостиной, и все.

В отсутствие же горничной в воздухе пахло скандалом. То же самое происходило, если я уезжал в командировку. Однажды я на несколько дней ездил в Кантон – та еще дыра. Вернувшись, я застал *ее* в дикой ярости – *она* рвала и метала, и мне пришлось долго оправдываться, обращаясь к пустоте.

Я достиг гребня горы. Дальше идти некуда. Из-за верхушек камфорных деревьев виднеется голова Будды, совсем рядом. Вот он, Большой Будда. Платиново-серый, спряженный на прялке синева. Деревья обернулись грезой о деревьях. Кот-тень, тень кота.

Кожа зудит. Бессмертие под вопросом. Солнце жарит так, что я скоро превращусь в кусок ветчины. Наверное, я сорвал ноготь на ноге – в ботинке хлюпает что-то мокрое и теплое. Под саднящей кожей еле-еле сокращаются мои органы – еще работают, но все медленнее и медленнее, словно обессилевшие пловцы.

Откуда там, наверху, над твоей, Будда, головой появилась луна? Белая, голубая, клоко-чущая. Бесшумная печь, где сгорает солнечный свет. Луна, луна, среди бела дня.

Похоже, я вляпался в былой и грядущий век. Столпотворение: туристы, автостоянка, сувенирные ларьки, рекламные щиты, мотоциклы. Толкучка возле билетных касс – только англичане и славяне умеют правильно стоять в очереди... Люди совсем рядом. Нет, далеко. Между нами стена сверкающей жидкости. Доносятся слова чужих языков.

Полные губы Будды величаво сложены. Будто вот-вот с них сорвется слово, но нет, никогда не сорвется. Глаза под опущенными веками скрывают истину, в которой так нуждается мир.

Луна явно издевается. Рога у месяца то в одну сторону, то в другую. Если бы мне сейчас повстречался тот старик нищий, я бы сказал ему: «Прости, старик, мне нечего тебе дать. Нет у меня больше времени. Ни пары минут. Ни пары секунд, черт подери».

Вот интересно – тот парнишка с саксофоном, он играет где-нибудь в баре, наверное? Может, в центре, может, в Коулуне. Я бы хотел его послушать. Хотел бы посмотреть, как его девушка смотрит на него. Очень хотел бы. Вряд ли теперь это получится. Хорошо бы поболтать с ними. Узнать, как они познакомились. Расспросить про джаз и почему Джон Колтрейн

так знаменит. Как много хочется узнать, как много. Надо спросить его, почему я женился на Кати и правильно ли я поступил, что подписал все эти бракоразводные документы и выслал ей. Будет ли Кати счастлива в конце концов? Встретит ли она мужчину, который будет любить ее, а его сперма будет по всем показателям высококачественной? Получится ли из нее нежная, любящая мать или с годами она превратится в запойную стерву? Прищучит Хью Ллуэллин Андрея Грегорского, или Андрей Грегорский прищучит Хью Ллуэллину? Расширит ли господин Вае, магнат-судовладелец, свою империю? Выиграет «Манчестер юнайтед» кубок или нет? Выпадут ли зубы у Коржика из «Улицы Сезам»? Наступит ли конец света после Рождества?

Она легонько касается меня, дует мне в затылок, и в воздухе начинают кружиться мириады листьев. Вся моя кожа горит, словно чужая. Новый маленький Нил внутри старого открывает глаза. На солнце они серебристые, а в тени синие. Он ждет только, когда моя кожа лопнет от нестерпимого жара, и тогда он выберется наружу и побежит прочь. Печень нетерпеливо ерзает. Сердце. Последние удары. Как называется маленький орган, который перерабатывает сахар?

Как я здесь очутился?

Отец бы сказал про Денхольма Кавендиша – «сэра Денхольма Кавендиша»: «Образование заместо ума».

– Итак, Найл, – Д. К. решительно сжимает губы, как старый генерал, которым он себя мнит. Свою речь напыщенный старый осел оснащает драматическими паузами, и тогда становится слышна суeta в башне на всех двадцати этажах под нами, – Поговорим о том, как мы представляем вашу миссию в Гонконге. Ключевой вопрос тут: что, по-вашему, представляет собой холдинг «Кавендиш»?

Нет, Д.К. Ключевой вопрос тут: какой ответ вы хотите услышать?

Не ошибись, Нил. Дай ему почувствовать интеллектуальное превосходство. И не вздумай сказать, что он настолько туп, что даже имя сотрудника не может произнести правильно.

– Это крупнейшая юридическая и инвестиционная корпорация, сэра Денхольм.

Отлично. На его лице появляется вдохновенное выражение, будто его посетило прозрение, за которым последует откровение:

– Да, мы корпорация. Крупнейшая корпорация. Но этим дело не ограничивается, поверьте мне, Найл. Мы семья! Верно я говорю, Джим?

На лице Джима Херша появляется улыбка, которая означает: «В самое яблочко попали, сэра!»

– А семьи без ссор не бывает. Случалось, мы с Джимом глаза друг другу выцарапывали, да, Джим, старина?

– Кто старое помянет... – улыбается Джим.

Ах ты, Джим Херш, лощеный американский выкормыш.

– Вот видите, Найл? Лизоблюдов в «Кавендише» на дух не выносят. Мы одолели все трудности! Превозмогли! А как? – спросите вы. А я вам отвечу: мы понимаем, что взаимовыручка превыше всего. Сотрудничество. Дружеская рука. Взаимное доверие. Взаимопомощь.

Он закурил сигару, подобно Уинстону Черчиллю, и посмотрел на портрет своего дедушки, который, в свою очередь, смотрел на него. Я с трудом сдерживал смех. У этого человека в голове ничего, кроме шаблонов и банальностей. Как он с такими трухлявыми мозгами умудряется руководить юридической фирмой, у которой филиалы разбросаны по пяти континентам? Ответ очевиден: он только воображает, что руководит.

– Чтобы играть на азиатском рынке, нам потребуется... Как это, Джим, я на днях сформулировал? В разговоре с Грейнджером?

– Насколько я помню, сэр Денхольм, вы сказали: «Нам потребуются чутье и дерзость при разработке новых стратегий».

– Вот именно! Чутье! И дерзость! Вы понимаете? *Чутье! И дерзость! При разработке новых стратегий!* Ситуация в Лондоне или там в Нью-Йорке всем ясна и понятна. Игровые поля размечены, ворота установлены. Но Азия – это последний неосвоенный рубеж. Разбойники-коррупционеры засели на китайских холмах, и грабят, и грабят. Законность? Забудьте про нее! Все куплены. Все до последнего человечка. Если мы хотим добиться успеха в Азии, мы должны играть по их правилам, но играть лучше! Мы должны быть оригинальнее в операциях с капиталами! Необходимо переосмыслить правила игры. Увидеть, куда бить, даже если стойки ворот невидимы! И любыми средствами обыграть! Улавливаете, Найл?

– На сто процентов, сэр Денхольм!

О чем толкует старый хрен?

– Я хочу добавить в ваш гонконгский портфель специальный счет. Для моего партнера. Это один парень из России, живет в Петербурге. Да вы с ним обязательно познакомитесь. Он скоро приедет. Отличный парень. Его зовут Андрей Грегорский. Из сильных мира сего. Он оказал нам несколько очень важных услуг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.